

Роксана Геден

Вкус невинности

Адель-1

16+

Роксана Гедеон
Вкус невинности

«ЛитРес: Самиздат»

1995

Роксана Гедеон

Вкус невинности / Роксана Гедеон — «ЛитРес: Самиздат», 1995

Франция, 1833 год. Стучат колеса первых паровозов, бурно развивается капитализм, гибнет старый аристократический уклад жизни.

Шестнадцатилетняя Адель Эрио, дочь известной всему Парижу дамы полусвета, без памяти влюбляется в Эдуарда де Монтрея —потомка знатного графского рода, знаменитого светского льва. Против их любви не только имущественные различия, но и сословные предрассудки, и прошлое матери Адель... Пламенное чувство разбивается о препятствия, оставляя в душе Адель шрамы обиды и унижения. Какой путь она для себя изберет? Для красивой девушки в Париже, как известно, открыты все дороги. Даже та, которая ведет в мир высокопоставленных куртизанок...

© Роксана Гедеон, 1995

© ЛитРес: Самиздат, 1995

Содержание

Глава первая	5
1	6
2	12
3	14
4	20
5	23
6	29
7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Глава первая

Адель на продажу

Страдания неразлучны с любовью, бесчисленны, как раковины на морском берегу.
Овидий

1

Париж, лето 1833 года

— Право, дорогая моя, у вас цветет самая красивая в мире сирень. Эти белые и фиолетовые гроздья – как они пахнут!

— Я с удовольствием пришлю вам несколько, если вы хотите. Да еще прибавлю дюжину галльских роз из нашей оранжереи, чтобы букет не казался слишком уж скромным.

— Благодарю вас... Вы, графиня, как всегда любезны; мне уж и стыдно бывает за свои восторги – при вашем восточном гостеприимстве я прямо-таки вынуждаю вас делать мне подарки.

— Полно! Что за безделица – цветы! Вы же знаете, какая радость для меня видеть вас. Дамы поцеловались прощаясь.

— Так что ж, в понедельник вы будете у д'Альбонов?

— Непременно...

— Ну так, значит, до понедельника. Прощайте, графиня.

Хозяйка дома, Антуанетта де Монтрей, стояла на широких ступенях крыльца до тех пор, пока стук уезжающего экипажа совсем не затих в конце липовой аллеи. С отъездом этой гостьи прием был, в сущности, закончен. Наступали сумерки. Из-за ограды, с улицы, доносился еще городской шум, голоса, смех девушек. Но здесь, в старинном отеле де Монтрей и вокруг него, в такое время уже все стихло. Особняк был отрезан от шумной улицы Сен-Луи большим тенистым садом и подъездной аллеей. Лишь два фонаря горели здесь – у правого и левого крыла отеля – и их свет оранжевыми отблесками ложился на густую листву.

Графиня де Монтрей была любима в обществе, и по четвергам у нее собирался, можно сказать, весь цвет Парижа. Ее, как аристократку и роялистку, считали своей жители Сен-Жерменского квартала, – аристократы и роялисты¹, но она охотно принимала у себя литераторов, художников, молодых политиков – всех, кто был талантлив, добивался славы и вообще чем-то выделялся из толпы. Образованная, тонкая, умная, она умела каждого гостя окружить теплом и вниманием. К ней ездили с удовольствием еще и потому, что для многих мужчин – особенно тех талантливых выходцев из буржуазии, которые мечтали о завоевании Парижа – она представляла немалый интерес и как женщина.

Ей было уже сорок пять, но выглядела она лет на шесть-восемь моложе и, кроме того, сумела найти тот стиль, который и ее возрасту придавал очарование. Высокая, очень стройная, с поистине королевской осанкой, она необыкновенно хорошо двигалась, сочетая в походке плавность и грациозность, живость и достоинство. Она с большим изяществом носила платье, имела хороший вкус, а некоторую надменность, доставшуюся в наследство от предков-аристократов, смягчала улыбкой. И, что важнее всего, эта привлекательная светловолосая женщина с бархатным взглядом черных глаз обладала такой непоколебимой уверенностью в своей женской значимости, обаянии и красоте, что редко какой мужчина не признавал их в ней и оставался равнодушен. В нее не обязательно влюблялись, ее любили. Ее единственный сын, оставившийся к ней с необыкновенной нежностью и почтительностью, разделял эту влюбленность, любил бывать с матерью на приемах, поддерживать ее под руку, хотя вообще-то сентиментальность и не была отличительным качеством Эдуарда де Монтея.

¹ Роялисты – приверженцы монархического строя, сторонники королевской династии Бурбонов, последний представитель которых, Карл X, был свергнут с престола революцией 1830 года.

Тем не менее, о графине никогда не было никаких сплетен, о ней не ходили толки, она ни разу себя не скомпрометировала и была равно мила со всеми. По слухам, она была очень счастлива в своем коротком замужестве и после того, как ее муж, бретонец-роялист, был казнен в 1808 году, перенесла всю свою любовь на сына. Казалось, только один мужчина, кроме супруга, вызывал у нее особую симпатию – барон де Фронсак, кузен, давний друг дома. Старый холостяк, он считал своей семьей Антуанетту и ее сына, постоянно бывал у них, считался покровителем молодой вдовы, когда Эдуард был ребенком, оказывал множество услуг, заслужив горячую благодарность графини и, может, нечто большее.

Такая помощь ей была тем более нужна, что Антуанетта де Монтрей большую часть своей жизни подвергалась преследованиям, терпела нужду и лишения, познала горькую долю эмигрантки. Ее родители и муж были роялисты, да и само ее имя – Антуанетта – было данью Марии Антуанетте². Королева была ее крестной матерью. В годы революции³ и империи⁴ это не ценилось. После казни мужа графиня была выслана из страны и до самой Реставрации⁵ жила в Вене, занималась преподаванием французского и расписывала шкатулки.

Во Францию она вернулась вместе с Бурбонами, и уж тут–то барон де Фронсак весьма ощутимо ей помог. Поначалу графиня де Монтрей и ее сын жили на вспомоществование, назначенное Людовиком XVIII, и положение их, конечно, было незавидным. Разбирая старые акты о продаже собственности графини в Бретани и ее отеля в Париже, барон обнаружил множество формальных нарушений. Затевая тяжбу, он выиграл дело, и в 1815 году Антуанетте было возвращено почти все, что было отобрано. Она въехала в дом, принадлежащий ей по праву; а собственность, которую она получила, обещала давать триста тысяч франков годового дохода. Умело вложенные бароном, ее деньги удвоились. Потом подоспело распоряжение короля о возмещении аристократам понесенных убытков, и положение графини де Монтрей сделалось просто блестящим. Ее сын обладал полумиллионом годового дохода, она была на хорошем счету при дворе – словом, мало в каких случаях справедливость была восстановлена с таким размахом и щедростью.

Их положение пошатнулось, когда в июле 1830 года король Карл X лишился престола, но пошатнулось не материально, а вследствие того, что сама семья де Монтрей, известная своими роялистскими симпатиями, внушала опасения новому правительству. На короткий срок Эдуард де Монтрей даже попал в тюрьму. Но, поскольку ни он, ни его мать явно политикой не занимались, их оставили в покое. В 1833 году графиня вполне примирилась с тем, что на троне отныне Луи Филипп, и, оставив всякие политические сожаления, вела исключительно светский образ жизни.

Когда затих стук экипажа, увозившего баронессу де Ланфор, графиня еще некоторое время оставалась неподвижна, словно прислушиваясь к звукам, доносившимся с улицы. Было уже одиннадцать. Со вздохом она качнула головой и вернулась в гостиную.

Здесь цветы стояли повсюду: в фарфоровых китайских и японских вазах, греческих амфорах, на полу, – розовые гиацинты и маргаритки, белые нарциссы, красно-оранжевые лилии и, конечно же, сирень, которой так славился отель де Монтрей. Из-за стола, за которым гости недавно играли в пикет, поднялся навстречу графине массивный, высокий, дородный господин лет пятидесяти, с пышными, тронутыми сединой, бакенбардами, открытым широким лицом, внимательным задумчивым взглядом.

— Что случилось? Ты так грустна сегодня.

² Мария Антуанетта (1755-1793) – королева Франции (1774-1792), свергнутая с престола вместе со своим супругом, Людовиком XVI, и казненная по приговору Конвента. Долгие годы была объектом ненависти республиканцев.

³ Революция, которую называют великой и французской, вспыхнувшая в 1789 году, привела к свержению монархии и установлению 11-летнего республиканского правления.

⁴ Империя – период царствования Наполеона Бонапарта (1804-1814).

⁵ Реставрация – возвращение к власти династии Бурбонов, имевшее место в 1814 году.

— Это было заметно?

— Нет. Пожалуй, нет. Но я же знаю тебя, и мне заметно.

Антуанетта остановилась у камина, глядя вниз. Казалось, будто она разглядывает узор на каминном экране, а на самом деле она все еще прислушивалась к тому, что было за окном.

— Жозеф, меня так беспокоит Эдуард.

— О, это мне известно. Он беспокоил тебя, когда ему было и два года, и пять, и десять, вполне естественно, что он тебя беспокоит сейчас, когда ему уже двадцать восемь.

— Мне не до шуток, Жозеф. Подумай: сегодня он обещал быть к обеду. Уже скоро полночь, а его нет, и я не знаю, появится ли он.

Барон де Фронсак, усаживаясь в кресло, насмешливо произнес:

— Дорогая Антуанетта, молодой человек в его возрасте может пользоваться полной свободой... Что за важность – не пришел к обеду! Разве в Париже мало мест, где Эдуард может задержаться? Театры, актрисы, кабаки – прости, что говорю тебе это, но ведь ты не святоша, ты и так все понимаешь.

— Он растрчивает себя, Жозеф. Он умен, однако тратит свою жизнь на какие-то глупости. У него есть способности, но он растрчивает их в этих непрерывных кутежах. Подумай, Жозеф, это не прекращается с тех пор, как та женщина...

Страдание отразилось на ее лице. Барон сжал руку графини, словно стараясь помешать ей договорить:

— Дорогая, мы же условились не вспоминать об этом.

— Если мы будем молчать, от этого ничего не изменится. Я люблю Эдуарда, ты это знаешь, он для меня – все. А он не находит себя. Я так хотела бы...

— Что? Может быть, чтобы он женился?

— Да, – ответила графиня, наконец-то решаясь признаться в этом. – Да. Может быть. Но я опасуюсь даже намекнуть ему об этом.

— Опасаешься? – Барон рассмеялся. – Разве есть что-то такое, в чем бы он тебе отказал?

Антуанетта слабо улыбнулась.

— Да, он хороший сын... И мне тем более больно думать, в каких местах он бывает... что о нем говорят... Он – я это заметила – как-то сторонится женщин нашего круга, относится к ним с недоверием, подозрительно, насмешливо... Конечно, после той истории это понятно, но ведь и дамы того круга, где он сейчас бывает, не для него.

Помолчав, она добавила:

— А эти статьи в журналах, которые он пишет под псевдонимом “шевалье де Сен-Реми”? Я не узнаю его там. Он язвителен, зол, саркастичен, он словно скальпелем разрезает всех тех, кто бывает у меня, высмеивает их, показывает все недостатки...

— Да, у него острый взгляд, – задумчиво подтвердил барон.

— Мои гости уже боятся его, называют “враг друзей”. Некоторые боятся приходить, опасаясь, что их потом высмеют в газетах... Я не о них печалюсь, меня волнует он. Он словно добивается, чтобы его не любили. Впрочем, что я говорю! – Она снова слабо улыбнулась, проведя рукой по волосам. – Когда он что-то пишет, я даже рада. Гораздо хуже, когда у него такой период, как сейчас, – актрисы, театры, бульварные девки, ложи в “Амбигю”⁶.

Она порывисто поднялась, прошла по гостиной, ломая пальцы. Жозеф внимательно следил за ней взглядом, потом опустил глаза, вздохнул и тоже поднялся.

— Антуанетта, ты в чем-то права. Но все дело в нашем времени. Когда я был молод, я воевал, ненавидел, совершал подвиги. Я знал, куда девать свои силы. Я боролся с революцией, с Бонапартом, с империей. Нынче другое время. Все силы уходят на то, чтобы заработать деньги.

⁶ Театр средней руки, в котором царила весьма фривольная атмосфера.

— Да-да, – с болезненной гримасой подтвердила графиня, – а что же делать тем, у кого их достаточно?

— Развлекаться. Твой сын именно так и поступает. И это еще хорошо, что он умеет это делать, что у него к этому вкус...

Графиня резко обернулась, глаза ее были полны укора и удивления:

— И это все, что ты можешь мне сказать, Жозеф?

Барон покачал головой, заложив руки за спину.

— Дорогая моя, – сказал он, и неподдельная любовь прозвучала в его голосе. – Могу ли я в чем-то тебе отказать?

— Значит ли это...

— Я попытаюсь. Сделаю, что смогу. Может быть, даже познакомлю Эдуарда с графиней д'Эрио.

— С графиней д'Эрио? – Изящные брови Антуанетты чуть приподнялись. – Что это за имя и что это за особа?

Словно все больше утверждаясь в своей догадке, барон произнес:

— Да-да, это очень удачная мысль...

Спохватившись, он повернулся к графине:

— Это креолка, кузина, я бывал у нее неоднократно.

— Но ее титул... и имя...

— Титул фальшивый и имя, возможно, тоже. Это дама из того света, который можно назвать золотой проституцией. Словом, она сумела достичь того уровня, когда мужчины платят ей пять тысяч франков за то, что получили бы у уличной девки за двадцать су.

— Жозеф!

— Что? Этой дамы опасаться не следует, дорогая. Поверь мне, уж я-то ее знаю. Она очень красива, еще молода, у нее блестящий салон, где она собирает людей с такими же фальшивыми титулами, как и у нее, но все это сделано так ловко, что нужно приглядеться, чтобы понять, что к чему.

Пожав плечами, Антуанетта невесело произнесла:

— Мой друг, ты впервые осознаешь в том, что вхож в такие дома.

— Увы, дорогая, я грешен, как и все мужчины. Но я не сознался бы в этом и сейчас, если бы ты не заговорила об Эдуарде.

— Ты... ты считаешь эту особу пригодной для Эдуарда? Жозеф!

— Она пригодна даже для принцев, уверяю тебя. У своих знатных любовников она переняла хорошие манеры и даже кое-что от образования. Она хорошо маскируется под знатную даму. Начать хотя бы с того, что ее дочь, по-видимому, еще даже не подозревает, что за образ жизни ведет ее мать.

— Так у нее есть дочь?

— Есть, но я, впрочем, мало об этом знаю.

— А сама она? Она парижанка?

— Она лет пять, как в Париже. Я подозреваю, что путь свой она начала с самых низов. И, раз уж добилась нынешнего положения, значит, у нее есть талант.

— Ты уверен, что Эдуард может увлечься этой особой?

— Непременно. Уж на несколько месяцев она сумеет его увлечь, и он откажется от того, что ты так не любишь – театров, ресторанов и кутежей.

Барон умолк. Графиня тоже молчала, задумчиво наблюдая, как ветер колышет легкие занавески на распахнутом окне. Барон, ее кузен – при всей ее любви и уважении к нему – обладает частицей того буржуазного практицизма, снисходительности и простоты, которые помогают без брезгливости общаться с людьми вульгарными и грубыми. Графиня де Монтрей

почему-то предвидела, что предлагаемая бароном женщина окажется вульгарной. Эдуард не таков. Она разбудит в нем самые дурные чувства, вызовет отвращение.

Поднимая глаза на барона, графиня произнесла:

— Это скверный выход, Жозеф.

— Это самый обычный выход, дорогая. Прости, но ты плохо знаешь мужчин.

— Я вовсе не хотела, чтобы...

Стук кабриолета раздался за окном. Не договорив, Антуанетта поспешно поднялась. Радость отразилась на ее лице:

— Это он! Можно сказать, почти вовремя!

Барон де Фронсак иронически покачал головой.

Через минуту в гостиную быстрым шагом вошел молодой граф де Монтрей, выгибая в руках чудесный хлыст с серебристой отделкой.

— Здравствуйте, любезный дядюшка. Ах, мама, до чего же я рад вас видеть.

Он совершенно не помнил своего обещания вернуться к обеду, и мать понимала это. Он поцеловал руку графини.

— Где вы были нынче, Эдуард?

— На террасе Фейянов, мама, в Тюильри.

На его светлых панталонах со штрипками были брызги грязи. Эдуард великолепно одевался: мало сказать, что его одежда была чудесно сшита из восхитительных тканей, но и все те мелочи, что дополняют туалет, были у него бесконечно элегантны, – запонки на манишке, сверкающей белизной, дивные перчатки, кружева на манжетах, плоские золотые часы, и между тем, привыкший к этому с детства, он вел себя небрежно, словно ему все равно было, что на нем надето.

Барон, покачивая головой, с ласковой усмешкой произнес:

— Безусловно, Антуанетта, дорогая, что бы мы ни говорили, Эдуард – это самое достойное ваше произведение. Какое сходство!

— Вот как? – отозвался Эдуард. – Стало быть, разговор был обо мне?

Действительно, было что-то неуловимое, что позволяло сразу же судить о родстве Антуанетты и Эдуарда – тонкость линий, благородство осанки, выражение лица. У Эдуарда были светлые волосы, как у матери, но синие глаза он унаследовал от отца. Молодой граф был высок и хорошо сложен, в свете его все считали красавцем, настоящим денди. Возможно, было в его внешности что-то женственное, томное и изнеженное, но его пристальный взгляд, твердый и хищный, как взгляд тигра, заставлял забыть об этом.

— Я всегда говорю только о вас, дитя мое.

— Простите, мама, я совсем забыл, что обещал быть на вашем вечере, – произнес он, вспоминая, что опоздал.

— Чем вам может быть интересен Тюильри? Что там за новости?

— Новости? Да все то же. Герцог де Морни ставит свой новый водевиль. Некий русский князь, кажется, Демидов, прибыл из Флоренции, заказал картину некому художнику... Альфред де Виньи в очередной раз поссорился с Мари Дорваль. Вот и все сплетни. Что еще может быть? Как всегда, одна скука.

— Вы не бываете здесь, когда я приглашаю гостей, а, может быть, здесь вам было бы интереснее. Я пригласила дивного музыканта, он...

— Я не люблю и не понимаю музыки, мама.

— Вот как? С каких это пор?

Эдуард не ответил, опускаясь в кресло. В двадцать восемь лет его лицо имело то холодное и равнодушное выражение, какое бывает у человека, которому ничто в жизни не интересно, ничто не волнует и не задевает. Графиня поднялась:

— Вы будете ужинать, Эдуард?

— Нет, мама, я обедал у Вери. Мне хочется только кофе.

Графиня удалилась, чтобы отдать распоряжения. Эдуард вернулся ночевать домой, но это утешило ее лишь на миг. Как всегда, она чувствовала, что ему не о чем говорить, что он скучает. Вот уже почти пять лет, как он замкнулся в себе, и она не находит с сыном общего языка. Подсознательно она чувствовала, что он одинок. В его жизни был жестокий, разрушительный роман с женщиной, имя которой предпочитали не упоминать, с тех пор он и изменился. Он стал закрыт для всех, даже для матери, под любезностью угадывалась сухость. Он ни в кого не влюблялся, ничем не увлекался, ни к кому не питал глубоких чувств. И никого не допускал внутрь, не открывал своих мыслей, словно хотел оградить себя от возможных разочарований.

Когда она вернулась, барон де Фронсак, похоже, уже сказал Эдуарду все, что хотел. Увидев графиню, они умолкли. С нежностью целуя ее руку, Жозеф произнес:

— Надеюсь, дорогая, вы простите меня.

— За что?

— Завтра вечером я намерен похитить Эдуарда. Это будет чисто деловой визит, чисто деловой. Речь идет об испанских акциях.

Уловив лукавство в глазах кузена, Антуанетта поняла, о чем идет речь и, невольно улыbnувшись, произнесла:

— Если Эдуард пообещает мне в понедельник быть у д'Альбонов...

Эдуард устало сказал, откидываясь в кресло:

— Разумеется, мама. Ради вас я пойду даже к ним, хотя, честно говоря, мадам д'Альбон мне кажется египетской мумией, а ее муж – так вообще чудовищем...

— Эдуард! – покачала головой графиня.

— Ну, хорошо, хорошо. Обещаю, я вынесу и эту пытку. А теперь – где же все-таки обещанный кофе?

2

Если графиня де Монтрей собирала гостей по четвергам, то в одном из домов на улице Риволи приемы бывали почти каждый день. Два первых этажа и сад за домом принадлежали Гортензии Эрио, которую так же называли графиней д'Эрио – одни с улыбкой, другие серьезно.

Квартиру эту вместе с обстановкой она снимала уже пятый год. На первом этаже были столовая, зимний сад и зал для гостей, на втором жила сама хозяйка с дочерью. Это было уютное, изящно обставленное жилище. Мебель была не слишком роскошная, но старинная и со вкусом подобранная – вся в стиле рококо и вся работы Буля, стены – затянуты ситцевыми и перкалевыми миньонеттами, лишь в гостиной их сменяли узорные гро-де-туры. У входа приезжающих встречал швейцар, в конце лестницы об их прибытии докладывал лакей, причем оба были в золотистых ливреях, по цвету которых трудно было определить, к какому же все-таки знатному роду принадлежит графиня д'Эрио. Но к ней ездили так же охотно, как к графине де Монтрей, только публика здесь была несколько иная: авантюристы всех мастей, игроки, шулеры, а также благодушные буржуа, изредка – аристократы, и почти всегда – представители не слишком преуспевающей богемы.

Сама госпожа Эрио летом 1833 года была обеспокоена важной проблемой, а именно: как достать деньги. Этот вопрос возникал в ее жизни далеко не впервые. Раньше, лет десять назад, она полностью зависела от своих покровителей: они нанимали ей дом, оплачивали счета. И, кроме того, менялись с быстротой картинок в калейдоскопе. Самым щедрым из такого рода любовников был старый русский князь Николая Демидов. С ним она долго жила во Флоренции. Однако пять лет назад она рассталась с блистательным русским вельможей, поднакопив денег и возвратившись вместе с дочерью во Францию.

Иными словами, пока Гортензия была достаточно молода, ее устраивало это зависимое положение, но с возрастом легкомыслие рассеялось, и она стала чувствовать тревогу за зыбкость собственного благополучия. Она решила взять жизнь в свои руки. В Париже у нее были кое-какие связи, здесь жили и бывшие ее любовники, поэтому ее появление сразу вызвало интерес. Она наняла дом, попыталась устроить в нем что-то вроде салона, и ей это удалось. За дом она платила сама, за воспитание своей дочери в пансионе – тоже.

Но платья и драгоценности значительно превышали ту скромную сумму, которую она получала со своего капитала. Женщина красивая, обаятельная, с юности привыкшая к определенному образу жизни и отнюдь не желавшая становиться скромной буржуазкой, Гортензия была вынуждена время от времени находить себе более-менее постоянных любовников, которые безвозмездно ссужали ее деньгами, дарили дорогие вещи, приводили новых мужчин в дом. С последним таким любовником, итальянским графом, она рассталась три месяца назад – он уехал на родину. С тех пор появились долги. Гортензия жила, в сущности, на небольшую ренту плюс ничтожные доходы, которые приносила ей карточная игра и то, что в карты играли в ее салоне. Однако развитие этого дела сулило неприятности с полицией и, кроме того, само по себе было слишком рискованным. Таким образом, госпожа Эрио ломала голову, как вновь обрести более-менее твердую почву под ногами.

Ее жизнь, помимо всего прочего, сильно усложнилась, когда полгода назад из пансиона вышла ее дочь.

Так было вовсе не потому, что Гортензия не любила Адель или завидовала ее молодости. Нет, Гортензия была очень привязана к дочери; правда, несколько эгоистично: она гордилась ею, ее манерами, фигурой, внешностью, ибо все это имело отношение к ней самой, было ее самым совершенным творением. Она показывала дочь всем при всяком удобном случае и не относилась ревниво к ее успеху. Гортензия сама была еще в расцвете красоты и имела много

доказательств того, что привлекает мужчин; кроме того, госпоже Эрио было всего тридцать три года – при том, что ей на вид давали меньше.

Проблема была в другом. Адель родилась, когда сама Гортензия была почти ребенком. Иными словами, она была просто грех молодости. Слишком занятая собой, Гортензия последовала примеру многих знатных дам и не стала отягощать себя воспитанием дочери: сначала отдала ее кормилице в деревню, потом, когда ребенку минуло шесть лет, – в пансион мадам Шаретон в Париже, где навещала девочку лишь на Рождество и на Пасху. Только однажды Гортензия забрала Адель на лето к себе во Флоренцию, где в то время жила с князем Демидовым, однако сумела настолько соблюсти внешние приличия, что Адель не заподозрила ничего предосудительного в образе жизни матери. Теперь же, когда оставлять девушку в пансионе стало невозможно, Гортензия почувствовала, что совсем не знает дочери, что для нее даже как-то странно – сознавать, что та уже такая взрослая, и что в свою очередь Адель ничего не знает о своей матери, вполне искренне считает ее графиней д'Эрио и верит, что родилась от короткого, но вполне законного союза Гортензии с каким-то графом д'Эрио – эту небылицу ей еще в детстве внушила кормилица.

Да и откуда ей было знать? В пансионе она получила то же воспитание, что и дочери добродетельных родителей. Мать ее вела себя внешне вполне благопристойно – по крайней мере, Адель ничего подозрительного не замечала. Ну да, в их салоне часто бывают гости, матери целуют руку мужчины, говорят ей комплименты – а почему должно быть иначе? Многие дамы ведут светский образ жизни. К сплетням она не прислушивалась, а того, что подчас посетители дерзко обращаются и с ней самой, она не видела или считала чем-то незначительным. Ей и в голову не приходило воспринимать это всерьез. И Гортензия, уяснив это, вдруг поняла, что не знает, как быть.

Госпожа Эрио понимала, что рано или поздно все выплывет наружу. Адель умна, она тонко чувствует, до поры до времени одна лишь наивность не позволяет ей увидеть всю сложность и подчас постыдность жизни, которую они ведут. Придет час, и она задумается о том, чем занимается мать. Поймет, откуда берутся деньги. Уяснит всю ложность своего положения. Да, это рано или поздно случится, но... но заранее объяснять ей все Гортензия была не в состоянии. Поразмыслив немного, она решила пустить все на самотек: жизнь научила ее саму, жизнь научит и Адель!

Кроме того, долгие размышления никогда не занимали Гортензию. Она была еще слишком молода, слишком красива, чтобы посвящать себя дочери. Изредка мать мечтала о том, что было бы неплохо, если бы Адель нашла себе мужа, но, в сущности, сама понимала, что это невозможно. Собственных средств у них было немного, стало быть, никто не женится на Адель из-за денег. А из-за нее самой... Видит Бог, это было бы слишком большим чудом.

3

Экипаж с гербом барона де Фронсака подъехал, когда уже близилась полночь. Два человека вышли из него на землю – оба в черных сюртуках и цилиндрах, белых перчатках и белых рубашках с высокими тугими воротниками, только один был пожилой, дородный, страдающий легкой одышкой, а второй молод, высок и хорошо собой.

Эдуард окинул внимательным взглядом четыре освещенных окна, крыльцо и швейцара. Помолчав, сказал мрачным голосом:

— Здесь на первый взгляд все вполне прилично. Кажется, вы меня поклялись развлечь, а не разочаровать.

— Разочаровать? Вас разочаровывает приличие?

— Я сыт им по горло. Впрочем, так же, как и развратом. Право, даже не знаю, что бы такое могло меня позабавить: я привык ко всему.

— Уверяю вас, Эдуард, – произнес барон убежденно, не показывая, что безразличный тон племянника заставляет его сомневаться в своей правоте, – рано или поздно вы найдете в этом доме что-то любопытное. Разве не говорил я вам? Здесь царит не только госпожа Эрио, у нее бывают и другие особы такого же порядка.

— Я их знаю, как своих пять пальцев, любезный дядюшка, – с видимым раздражением произнес граф де Монтрей, – и они всюду одинаковы, так что совершенно не надо было наряжаться и тащиться сюда. Если уж вам так непременно нужно было заняться моим воспитанием, вы нашли бы мне дюжину таких на Пляс-Пигаль⁷.

— Вы слишком самоуверенны, Эдуард. Вы хотите казаться хуже, чем вы есть.

— Чего ради стал бы я лгать? – ледяным тоном возразил граф.

Он был зол на самого себя за то, что приехал сюда. Женщин он действительно знал, и если бы занялся перечислением того, что знает о них, то шокировал бы барона. К дамам из высшего света у него с недавних пор было инстинктивное отвращение – он избегал флиртов с ними, не замечал кокетства, старательно обходил все попытки завязать с ним роман. Девицы и вдовы не нравились ему еще больше, чем замужние, потому что явно хотели замужества и гонялись за его деньгами. Очень, очень многие хотели за него замуж. Но в душе у него был лед, и ему становилось тошно при мысли, что рано или поздно придется впустить какую-то чужую женщину в свою жизнь и в свой дом. Все, что ему нужно было, – это забыть, минутное наслаждение, иногда ночь самого разнузданного разврата, но даже помыслить о том, что какая-то особа будет вечно рядом с ним, ломает его привычки, ограничит свободу – нет, это было невыносимо. Он никого не любил. Он был согласен платить за утехы и, говоря по чести, предпочитал простых продажных женщин с улиц, которые ни на что не претендуют, не скрывают своего статуса и которых он тут же забывал. У них было хоть одно достоинство – искренность. Так называемые золотые куртизанки ему не нравились. К чему все это? К чему обставлять таким шиком то, что совершенно одинаково со всеми женщинами?

На миг череда женских лиц прошла у него перед глазами – актрисы, продавщицы, проститутки из Пале Рояль. Он не помнил ни имен, ни лиц. Тем более подробностей. Голос барона вывел его из замешательства:

— Так что же, войдем?

— Извольте, – так же холодно отвечал Эдуард.

Они вошли. Швейцар принял у них цилиндры и трости. Барон де Фронсак, по-видимому, был здесь свой, лакей сразу узнал его и, вероятно, предупрежденный заранее, объявил:

— Господин барон де Фронсак.

⁷ Парижская площадь, где собирались женщины легкого поведения.

— Господин граф де Монтрей.

В доме пахло духами и слегка – табаком. Людей в салоне было множество. Дверь налево была полуоткрыта, там виднелись ломберные столы и всюду шла игра. В гостиной звучала музыка, вальсировали пары, сияли белизной обнаженные женские плечи, мелькали эполеты и ордена. Эдуард, предупрежденный о фальшивости этих орденов, инстинктивно поморщился.

— А вот и госпожа Эрио, – негромко произнес барон.

К ним, разворачивая широкий веер из черных перьев, приближалась высокая, в меру пышная женщина в платье из дорогого черного бархата, отделанного муаром, с браслетами на красивых голых запястьях. Вырез лифа был заколот изящной золотой брошью. Корсаж облегал чуть вздымающуюся – видимо, после танца – грудь и тонкую талию. Хозяйка дома обладала поистине великолепной фигурой, где все нужные округлости были на месте. От нее веяло женственностью, свежей чувственной плотью. Госпожа Эрио была замечательно красивая брюнетка с очень белой кожей и горячим взглядом карих глаз. Ее красиво причесанные волосы блестели, словно черный шелк.

Барон склонился, целуя ей руку, Гортензия скользнула теплым взглядом по красивому молодому человеку

— Вы пришли с другом, господин де Фронсак?

— С племянником, мадам.

— Ах вот как! Для всех, кого вы знаете, здесь открыты двери. Для родственников – тем более... – снова взглянув на Эдуарда, она добавила: – Друзья господина барона – мои друзья.

Не ответив, Эдуард прикоснулся губами к ее руке. В его душу уже заползал холодок. Случилось то, что он и предвидел. Эта черноволосая куртизанка, называющая себя графиней, безусловно, очень хороша – в этом смысле дядюшка оказался прав, и Эдуард охотно провел бы с ней ночь. Впрочем, если бы это не удалось, он ничуть не печалился бы. И не добивался бы ее... Хуже всего было то, что она была понятна с первого взгляда. Эти ее глаза, страстные, горячие, выдавали прирожденную шлюху. Спит с мужчинами иногда за деньги, иногда и по желанию. Большого ума за этим чистым лбом нет, нет так же ни принципов, ни особой совести. Жизнь несет ее, куда захочет, по глазам видно, что мадам Эрио не особо задумывается над тем, что творит, и покоряется инстинктам. Словом, куда кривая выведет. Боже мой, да он забудет ее на следующее же утро – забудет и эти глаза, и эти волосы, и все ее ласки, ибо таких, как она, поистине пруд пруди. Просто не всем везет так, как ей, – но это оттого, что в ней больше ловкости и лжи, чем у других.

Впрочем, что за толк было размышлять обо всем этом? Она не воспламенила его, между ними не промелькнула искра, и он знал, что уже особенно ничего и не будет, что бы она ни предпринимала и как бы ее дядюшка ни уговаривал. Эдуард снова скучающим взглядом оглядел зал. Что за глупость была приходить сюда! Да если бы дело было только в женщине, это было бы еще только полбеда. Но дело-то в нем самом. Он, вероятно, вообще не способен влюбляться. Он даже увлечься не может. Долгое время он надеялся: возможно, мелькнет в вихре развлечений чье-то лицо, женское, разумеется, которое воскресит в нем не только физический пыл, но и душевный, воскресит настолько, что ему захочется сблизиться с этой женщиной, слиться с ее душой воедино, проникнуть в ее мысли. Но проходили месяцы, он видел множество женских лиц, и они, как тени, проходили мимо. Он никем не интересовался. Может быть, это они были неинтересны? Или, возможно, он сам был слишком холоден?

— Я похищу вас на минуту, дорогая графиня, – произнес барон, увлекая Гортензию в сторону. – Так вот, я должен вам объяснить...

Они удалились. Эдуард усмехнулся, проследив за ними взглядом. Бедный Жозеф, он наверняка объясняет этой даме цель их визита. Наверняка и заплатит сейчас же. Как все это глупо. Он чувствовал себя четырнадцатилетним мальчиком, которого вручают опытной куртизанке, чтобы она научила его любви. Нелепейшее положение. Нет, решено, с этой особой

абсолютно ничего не получится. Она даже не нравится ему. Слишком горяча, слишком смела, слишком понятна.

— Вы всегда так грустны, сударь? Боже мой! Мама будет просто несчастна, увидев ваше лицо. У нас все веселы!

Эдуард поднял голову. Девичий голос, который произнес эти слова, был смел, звонок, задирист, – да, почти задирист. Однако взглянув на ту, кому он принадлежал, граф встретился с огромными изумрудными глазами, и ему показалось, что в них странным образом смешались робость, любопытство и смятение. Он внимательно изучил ее лицо.

Говорившая была так хороша, что, глядя на нее, трудно было представить девушку более красивую. Платье из зеленого шелка с широкой юбкой обтягивало точеную стройную фигуру, подчеркивало плавные линии груди и узкую талию. На длинную лебединую шею каскадом падали кудри цвета кипящего золота. Трепет длинных ресниц, сияние огромных изумрудных глаз в сочетании с зеленым шелком платья, пленительная улыбка, то появляющаяся, то исчезающая с розовых полных губ, мягкость движений, обаяние ямочек на щеках – от незнакомки невозможно было оторвать взгляд.

— Я Адель, – сказала она, протягивая ему руку. – Госпожа д’Эрио – моя мать. Вы никогда еще у нас не были? Ах, вы не пожалеете, что пришли. Когда я покажу вам наши цветы, сыграю на рояле да еще познакомлю вас с моей гвардией, вы тоже станете нашим другом... и, конечно же, лицо у вас будет веселое, не такое, как сейчас!

Ей нельзя было дать больше шестнадцати лет. Высокая, гибкая, она напомнила ему молодую иву. Кожа у нее была оттенка чайной розы, матовая, чистая. Эдуард все еще возвращался к ее глазам. Русалочки, миндалевидные, они сами по себе были красивы, но ему казалось, что их выражение меняется с головокружительной быстротой: только что капризный бриллиантовый блеск, потом теплота, робость, невинность и, наконец, в них заплескалось что-то вроде робкого кокетства.

Она протягивала ему руку, но как-то странно: не то для пожатия, не то для поцелуя. Он взял ее в ладони и поцеловал, заметив легкое колыхание юбки вокруг стройных бедер. Он выпрямился, чувствуя, что заинтересован. Эта девушка, вся такая юная, золотистая, упругая, всколыхнула его плоть. Он хотел ее. И тут же, едва он почувствовал это, его снова поразило выражение невинности в ее глазах.

— У вас правда нет серьезных причин грустить?

Он улыбнулся.

— Нет, мадемуазель. Мое лицо обманчиво.

— У вас очень красивое лицо. Я была бы рада видеть его часто. Вы гораздо лучше, чем все мои гвардейцы. Да-да, честное слово, вас было бы приятно видеть день и ночь.

Эдуард еще раз смерил ее внимательным взглядом. Она была поразительно, необыкновенно хороша – этого он не отрицал. К такой красоте не останешься равнодушным. Но ее слова, ее откровенное признание в том, что он ей нравится, навели его на мысль, что она не так уж робка, как ему показалось, и он даже подумал: ведь если ее мать здесь хозяйка, почему бы дочери не быть такой же, как мать? Впрочем, его снова смутило простодушие ее тона, и он потерялся в догадках.

— И кто же это те, которых вы называете своими гвардейцами?

— О, это все... все, кто влюблен в меня.

— И много таких?

— Достаточно, но все они толстяки–булочники.

— Не повезло вам. Неужто все булочники, как на подбор?

Адель засмеялась.

— Нет... Просто все они держат какие-то лавки. Да, мне не очень везло. Но ведь теперь я встретила вас, а вы граф.

Все так же улыбаясь, она схватила его за руку:

— Идемте! Здесь много интересного!

Она пыталась увлечь его прочь из зала, в другие комнаты, и Эдуард, заглядевшись на то, как она двигается, подбирает платье, как мелькают из-под юбки ее стройные ноги, обтянутые шелковыми чулками, на миг поддался ее порыву, но, заметив, что она ведет его к каким-то сомнительным людям, знакомиться с которыми ему вовсе не хотелось, мягко удержал ее.

— Вы не хотите? – Румянец разлился по ее лицу. – Может быть, мои друзья не подходят вам, господин граф?

— Может быть, мадемуазель.

— Вы не правы! Среди них есть даже один австрийский князь, он замечательно рассказывает о своих дуэлях, и у него имеется два ордена от королевы бельгийской... А у вас есть ордена?

— Нет, но я предпочитаю не иметь их, чем иметь фальшивые.

Ответ прозвучал более чем резко. Адель вспыхнула еще больше:

— Нет! Неправда!

Эдуард чуть было не сказал, что настоящий австрийский князь вряд ли был бы всегда-таем такого дома, но что-то в глазах Адель заставило его удержаться. Он настойчиво привлек ее за руку к себе, обнял за талию:

— Слышите, мадемуазель? Музыка чудесна. Вы любите танцевать?

Он нашел верный способ замять спор. Зеленые глаза Адель распахнулись, полыхнули лукавством, и она загадочно произнесла, поддаваясь его рукам:

— С графами – особенно... да еще если они настоящие, а не фальшивые.

Она оказалась в танце такой гибкой, нежной и податливой, что, похоже, была готова измениться под его прикосновениями и таять, как воск. Ее длинные черные ресницы бросали тень на щеки. Эдуард видел ее склоненный чистый профиль, слышал, как часто и легко она дышит, и испытывал смешанные чувства нежности и желаний. Она нравилась ему. Да, нравилась! Он не мог понять, что кроется за этой внешностью – невинность девушки или искушенность проститутки, которая только притворяется невинной. Когда она откидывала голову, сверкала изумрудным взглядом, лукаво улыбалась, послушная его рукам, он был уверен в последнем. Он был готов заплатить, лишь бы выяснить, в чем тут дело. Но как это сделать? Что предложить? И можно ли сделать это вообще?

Адель на какой-то миг притихла, перестала улыбаться, словно почувствовав напряжение своего партнера. Эдуард отвел ее на место. Декольте ее зеленого платья позволяло видеть, как быстро вздымается от учащенного дыхания ее грудь. Она покраснелась, волосы у нее повлажели и от этих светлых кос исходил неуловимый пьянящий аромат. Эдуард чувствовал его, казалось, всем телом. В висках у него застучало. От Адель веяло такой красотой и чувственностью, что он едва не терял самообладание, сгорая от желания. До безумия хотелось чувствовать ее, прикоснуться к ней, ощутить, каковы на вкус эти свежие пухлые губы, но он лишь молча стоял, спрятав руки за спину и пожирая ее полным звериного желания взглядом.

Она заметила этот взгляд, и чуть отодвинулась.

— Вы сейчас похожи...

— На кого?

— Не знаю... но я чувствую себя, как мышь, которую собираются съесть!

Эдуард не сдержал улыбки. О чем свидетельствует это простодушие? Хотелось понять ее.

— Вот видите, мадемуазель, а совсем недавно вы говорили, что готовы видеть меня и днем, и ночью.

Она рассмеялась.

— Нет, я ошиблась! Днем вы будете как раз кстати, но ночью явно помешаете.

Эдуард дерзко спросил, провоцируя ее:

— Почему же?

— Не знаю. Скажите, а вы... вы без одежды такой же красивый, как и в этом сюртуке? Ему казалось невозможным, чтобы она говорила такое сознательно.

— Если только вы захотите, Адель, постараюсь вас не разочаровать.

Она смутилась, но лишь на миг, и нисколько не возразила против того, чтобы он назвал ее по имени. Потом, растерянно теребя оборку на корсаже, пробормотала:

— Вы такой... такой дерзкий. Думаю, порядочным девушкам такое выслушивать нельзя.

— Я не хотел вас обидеть. Вы слишком хороши, Адель, чтобы будить во мне злые чувства. К тому же, порядочные девушки скупны.

Она непонимающе взглянула на него, но ничего не сказала. Эдуард произнес, загладевая ее рукой:

— Может быть, для того, чтобы подружиться, нам надо встретиться в каком-то ином месте?

Ее зеленые глаза распахнулись, и в них снова мелькнула робость:

— Не знаю. Что, если мама...

— Не говорите ей ничего. Умеете вы ездить верхом?

— Да.

— Я заеду завтра за вами. В полдень, договорились?

Она взглянула на него так открыто, наивно и просто, что этот взгляд снова заставил его сомневаться в ней, и кивнула так естественно, словно ничего другого, кроме как согласиться, ей и не оставалось.

— Хорошо. Я ничего не скажу маме.

Эдуард молчал, чувствуя себя полным идиотом. Он понимал, что к девушкам нужен иной подход, чем к женщинам, но не мог найти его. Черт возьми, да девушка ли она? То, как легко она согласилась отправиться завтра на прогулку, свидетельствовало, что Адель поддается на быстрые уговоры, которые применяют, когда имеют дело с опытными дамами. Она быстро приняла его игру. Да и как могла она остаться такой простодушной, живя в борделе? Он взглянул в ее сияющие глаза и какой-то миг был почти убежден, что она расставляет ему ловушку, что не он соблазняет ее, а она его.

Впрочем, какого черта! Эдуард раздраженно качнул головой. Будет ли он ее первым любовником или двадцатым, что за разница? Он желает ее, какой бы она ни была. Этой женщины он готов добиваться. И только это имеет значение.

— Вы сердиты? – спросила Адель. – Я ведь пообещала.

— Нет, моя милая, я не сердит. Я говорил уже вам, что мое лицо обманчиво.

— Вы похожи на одинокого романтического героя. На Лару. Я читала о нем у Байрона. Ах, как хорошо все-таки, что вы появились! Я о вас много мечтала.

Прежде чем он успел осмыслить это ошеломляющее заявление, Адель подняла голову.

— Мама смотрит на нас, – произнесла она негромко. – И ваш дядя, господин барон – тоже.

Услышав это, Эдуард сделал то, о чем думал уже давно, – сделал потому, что ему этого хотелось, но и потому, что хотел кое-что понять. Его рука скользнула вокруг талии Адель, и девушка послушно подчинилась, когда он привлек ее к себе. Смятение мелькнуло в ее глазах, но лишь на миг. Она задышала чаще, но не сопротивлялась, когда он легко, мимолетно коснулся ее рта. Ее губы приоткрылись, так, что он ощутил ее душистое дыхание.

— Нас увидят, – прошептала она.

Он позволил ей отстраниться, но лишь чуть-чуть, ибо в этот миг как никогда понял, что Адель нужна ему. Неизвестно, надолго ли, но сейчас нужна. Все так же удерживая ее за талию, он коснулся губами белой кожи у нее на запястье, поцеловал долгим, нежным, горячим поцелуем, от которого она содрогнулась, и почувствовал, как бешено у нее бьется пульс. Она

казалась завоеванной, покоренной до конца. Было даже что-то непонятное в том, что она так подчиняется этим ласкам, – здесь, на виду у всех, на глазах у матери.

— Нас увидят, – прошептала она снова.

Эдуард отпустил ее и, оглянувшись, скользнул взглядом по лестнице. Барон и госпожа Эрио внимательно наблюдали за ними, но на лице Гортензии не было возмущения, и у Эдуарда мелькнула мысль, что она, пожалуй, согласна, что она продает ему свою дочь. Ему стало многое ясно. Со стороны матери возражений не предвидится. Неизвестно из каких соображений, но она жертвует Адель. А сама мадемуазель Эрио?

Не подозревая ни об одной мысли Эдуарда, она прошептала – растерянно, наивно, совсем по-детски:

— Я так... так рада, что вы пришли сегодня.

— Я тоже рад, Адель. Рад, что встретил вас.

На миг ему стало жаль ее и стыдно за себя, но, взглянув на нее, он еще раз поразился: до чего же она красива! Зачем отказываться от нее, если она может быть его? Он не причинит ей зла. Да и ему самому так нужен кто-то. Хотя бы на время.

Госпожа Эрио и барон де Фронсак уже несколько минут стояли на лестнице в молчании. Гортензия видела, что молодой граф де Монтрей целовал Адель. Смятение было в ее душе. Не меняясь в лице, она повернула голову и произнесла:

— Похоже, господин де Фронсак, вашему племяннику больше по вкусу моя маленькая Адель.

Барон пожал плечами.

— Не беспокойтесь по этому поводу, дорогая графиня, мне это безразлично. Вы или Адель – не имеет значения. В любом случае я отблагодарю вас со всей щедростью, не сомневайтесь в этом.

4

Наступила ночь.

Гортензия с помощью горничной освободилась от тяжелого бархатного платья и сто раз провела щеткой по волосам – это было ее неперемное правило. Служанка зажгла розовую лампу над мягким креслом, распахнула окно, чтобы было прохладнее, и госпожа Эрио в бело-снежном пеньюаре, с убранными на ночь под кружевной чепец волосами, села, чтобы посмотреть перед сном несколько открыток с видами ее родной далекой Мартиники. Так она делала всегда. Но сегодня мысли путались – и от усталости, и от того, что она не знала, как быть с Адель.

Барон де Фронсак обещал ей двадцать тысяч франков. Немалая сумма. Это позволит покрыть все долги, развязаться с кредиторами, да еще кое-что останется. Правда, для этого придется отдать ребенка этому молодому развратнику, графу де Монтрею, – он явно увлекся Адель. Ах, честное слово, Гортензия тысячу раз предпочла бы, чтобы этот аристократ не встретил это дитя и удовольствовался бы ею, матерью, – это избавило бы ее от угрызений совести и головной боли.

Адель ничего не понимает. Она смотрела на графа влюбленными глазами. Ее, похоже, даже не надо будет уговаривать – она все отдаст ему сама. Если ее чувство глубоко, она потом будет страдать. Разочарование будет очень горьким. Ведь этот молодой мерзавец ничего, кроме похоти, и в мыслях не имеет. Он бросит ее, рано или поздно, и женится на какой-нибудь девственнице, равной ему по знатности и состоянию. Адель будет просто использована, чтобы доставить удовольствие графу, его дядюшке и его матери. Можно ли такое позволить?

Но, с другой стороны, разве у Адель есть иная судьба? Если рассуждать здраво, то граф – вовсе не худшая кандидатура. Гортензия знала, каковы они бывают, эти мужчины – грубые, агрессивные, эгоистичные, подчас даже жестокие. Эдуард по крайней мере внешне выглядит воспитанным человеком. Адель по-настоящему увлекла его, может, он даже влюбился. Да-да, без сомнения, он еще из лучших. Что плохого, если он первый откроет ей глаза? Ведь у нее все равно нет иного пути, кроме того, что был у Гортензии. Кроме того, он ведь может надолго оставить ее при себе, и тогда девочке гарантированы долгие годы жизни в роскоши и довольстве. Не иметь долгов, не дрожать, что кредиторы вот-вот начнут ломиться в дверь, – это ведь тоже счастье, для многих недостижимое!

Оправданий было множество, однако госпоже Эрио было и досадно, и стыдно, и противно. Какая жалость, что приходится над этим ломать себе голову! Тысячи забот осаждают ее – долги, безденежье, Адель! Чего бы она ни отдала, чтобы ее дочь была уже взрослая, во всем разбиралась, и ничего не надо было бы ей объяснять!

Поддавшись раздражению, Гортензия приняла решение. Пусть будет так, как суждено судьбой. Она ничему не будет препятствовать. Пусть Адель решает сама, и нет смысла ей что-то растолковывать. К чему эти раздумья? Им обоим нужны деньги. Двадцать тысяч франков – не шутка... В это мгновение в дверь постучали, и Гортензия сразу же забыла обо всем, кроме того, кто был за дверью.

Это был молодой красивый художник Морэн, делавший с нее зарисовки и умолявший позволить ему рисовать Адель. Кроме того, с недавних пор он был любовником Гортензии, человеком, которого она обожала. Да, иногда в ней просыпалась дикая необходимость любить и наслаждаться – не за деньги, без всякой выгоды, просто так. Вот почему она так затрепетала от стука в дверь.

Едва темноволосый смуглый юноша показался на пороге, она уже шла к нему, сияя улыбкой и сама развязывая тесемки пеньюара.

Адель в это время сидела на подоконнике, подтащив колени к подбородку и уткнувшись в них лицом. Окно было распахнуто, внизу благоухал сад. Да, несмотря на то, что Париж с каждым годом становился все грязнее и терял все больше зелени, здесь был поистине райский уголок. Душистые запахи чабра, гвоздики и майорана делали воздух густым и пряным. Между ветвями могучих вязов сиял большой золотистый шар луны. Бледные звезды искрились на небе. Это было так хорошо, так красиво, что Адель задышала чаще, чувствуя, как отчаянно стучит сердце.

Она влюблена. Да-да, без сомнения! С ней такого еще не случалось. Она заметила графа де Монтрея, едва он вошел, и у нее перехватило дыхание. До сих пор ей было непонятно, откуда у нее взялась смелость, чтобы заговорить с ним. Может быть, в ней проснулось сочувствие. Молодой человек казался таким незаслуженно одиноким. Гордым, но одиноким. Она заговорила, чтобы чем-то помочь ему, а когда встретила с его темно-синими глазами, то почувствовала, что у нее от волнения перехватывает дыхание.

У нее было ощущение, что это навсегда. Адель казалось, она всю жизнь ждала этого момента. Ей было суждено то большое, светлое, необычайно сильное чувство, которое зародилось в ее душе, едва она увидела Эдуарда. Она могла бы честно сказать, что никогда еще не влюблялась. Ухаживания пожилых гостей ее матери, неопрятных молодчиков и карточных игроков – ухаживания то неловкие, то пошлые – вызывали у нее инстинктивную неприязнь, а подчас только забавляли. Она отделялась шуткой даже тогда, когда их взгляды пугали или оскорбляли ее. И она не задумывалась над всем этим. Но когда появился он, ей словно перевернули душу.

Его зовут Эдуард... Адель обхватила руками плечи, чувствуя, что снова холодеет от волнения. До сих пор, вспоминая эту встречу, она была как в тумане. В этом мужчине все было совершенно: внимательный взгляд темно-синих глаз, одежда, манеры, светлые волосы, теплые губы. Она до сих пор еще ощущала его поцелуй. Но, кроме волнения, трепета, радости, столь свойственных юности, Адель чувствовала, что это и ее судьба. С этим мужчиной будет связана вся ее жизнь. Казалось, целых сто лет она ждала его появления, и отныне все – и счастье, и горе – будут определяться им.

Сейчас даже не хотелось задумываться о том, что будет дальше. Как можно думать, если все внутри пело от волнения и счастья? Туман, сотканный из мимолетных воспоминаний, окутывал Адель: она без конца вспоминала его голос, восстанавливала в памяти то, что он говорил, когда прикасался к ней, и время летело с головокружительной быстротой. Взглянув на часы, она увидела, что скоро рассвет.

Так, значит, уже очень скоро она увидится с Эдуардом? Он обещал заехать в полдень. А что же она наденет? Адель спрыгнула с подоконника, бросилась к шкафам, чтобы пересмотреть все свои платья. Итоги были неутешительны. Честно говоря, ни один наряд не казался ей достойным. Адель хотелось выглядеть рядом с Эдуардом именно достойно, так, чтобы он не стыдился ее. Потом, отчаявшись что-либо решить уже сейчас, ночью, она вернулась в постель. Простыни были прохладны по сравнению с ее горячей кожей.

Адель очень мало видела и еще меньше знала о жизни. Сколько она себя помнила, ее окружали стены пансиона. Скучная мадам Шаретон, утверждавшая, что Адель доставляет ей множество хлопот своим поведением. Классная дама мадемуазель Мюэль, которая давала ей читать новые романы... Романов она прочитала много и, честно говоря, по ним судила о жизни. Вероятно, под влиянием романов и сложилось у нее мнение о том, что рано или поздно она встретит мужчину, который будет выделяться среди всех остальных. Она представляла даже его внешность, грезилась о нем, разговаривала с ним во сне. Сегодня, когда появился Эдуард, она с замиранием сердца поняла, что ее мечта свершилась.

Но хотя Адель и была любительницей романов, нрав у нее был самый взбалмошный: она бывала и капризной, и взрывной, и нежной, и легкомысленной. Она мечтала не только о том,

что встретит принца, но и о том, что понравится ему; честно говоря, она сама считала себя немного принцессой. Да и могло ли быть иначе? С самого раннего возраста она слышала от окружающих, что необыкновенно хороша собой. Действительно, и среди детей, и среди гостей матери, она неизменно оказывалась самой красивой, да и в пансионе, где у нее почти не было друзей, она признавалась самой очаровательной. Судьба преподнесла ей чудесный дар в виде ослепительной красоты – так почему бы ей не ощущать себя немного особенной?

Она почувствовала, что понравилась Эдуарду. Его взгляд говорил об этом очень ясно. В его глазах, впрочем, Адель прочла и нечто другое – то, что в романах называлось желанием. Она хорошо понимала, что к чему. Раньше ее это оскорбляло, но сейчас, когда появился он, это казалось таким естественным, что она и не думала противиться. Наступил ее час – так она полагала. Все вокруг только и говорят о любви, и вот, наконец, пришло время ей, такой красивой, юной, такой влюбленной, понять, почувствовать, что же это. Об Эдуарде она ничего не знала, но ее переполняло желание сделать его счастливым, и ради этого была готова на многое.

Она долго лежала в сладкой полудреме, слушая, как стучит сердце, и заснула только тогда, когда в окно полились первые лучи рассвета.

5

Гортензия наблюдала за ними, чуть приподняв занавеску. Она подозревала, что они договорились о встрече, но, когда с самого утра Адель поставила на ноги всех служанок и перевернула вверх дном гардероб, госпоже Эрио все стало ясно. Некоторое время она была в нерешительности. Потом поднялась в комнату дочери.

Адель в длинной черной амазонке стояла перед зеркалом – стройная, тонкая, изящная – и примеряла элегантный цилиндр с длинным шарфом из белого муслина. Гортензия на миг застыла в проеме двери, глядя на дочь. Сердце у нее сжалось.

— Ты собираешься ездить верхом, дитя мое?

Адель обернулась, вся сияя.

— Да, мама, да! Господин де Монтрей пригласил меня. Ты ведь не против? Я же ездила уже на прогулки с твоими знакомыми и полагала, что ты не будешь возражать.

— Нет, я не возражаю, но...

Гортензия подошла ближе и, скрывая тревогу, обняла дочь. Как никогда, ей хотелось сейчас защитить ее. Хотелось никуда не отпускать. Хотелось, чтобы она была гораздо счастливее, чем ей суждено.

— Адель, ты так хороша. Понимаешь ли ты, что заслуживаешь очень многого?

— А что случилось, мама? У тебя печаль в глазах. Разве что-то не так?

— Господин де Монтрей... Не позволяй ему обидеть тебя, детка.

Адель некоторое время вглядывалась в темные глаза матери. Потом тихо-тихо спросила:

— Почему ты даешь мне такой совет?

— Потому, что ты еще очень молода. Позволь мне хоть немного руководить тобою в жизни.

— Но, мама, господин де Монтрей не может обидеть. Все, что он делает, может быть только хорошо и никак иначе.

Гортензия недоверчиво усмехнулась:

— Хотелось бы верить.

Адель снова повернулась к зеркалу, узкая юбка с разрезом посередине распахнулась, показывая брюки, обтягивающие ноги девушки. Ни следа беспокойства не было на ее лице. Глаза сияли. Гортензия подавила вздох, понимая, что никакие наставления сейчас не уложатся у Адель в голову. Она была в полном смысле опьянена. Так было когда-то и с самой Гортензией – правда, нужно признать, что и тогда, в юности, она лучше разбиралась в жизни, чем Адель.

Сейчас госпожа Эрио, стоя у окна, наблюдала, как они уезжают. Этот граф – он ничего не забыл, прибыл, по всей видимости, вовремя. Слава Богу, хоть не считает возможным заставлять девушку ждать. У Гортензии перехватило дыхание, когда она увидела Эдуарда. Он был так привлекателен, что перед ним мудрено было бы устоять. На нем был светлый короткий сюртук, молочного цвета жилет, брюки для верховой езды и высокие серые сапоги. Одевался он щегольски, это следовало признать. Адель, пожалуй, еще и не встречала таких. Да и сама Гортензия, в сущности, не отказалась бы от такого – правда, она, к счастью, научилась влюбляться только телом, не примешивая к этому душу. И, кроме того, опытным взглядом она замечала – вернее, чувствовала – в этом мужчине что-то непонятное и, возможно, недоброе.

Адель и вправду была ослеплена.

Они ехали по площади Звезды, возле самой Триумфальной арки, – сюда, на главную аллею Елисейских полей, в хорошую погоду стекалось до тысячи элегантных экипажей и еще больше всадников – словом, весь парижский высший свет. Она видела, как узнают Эдуарда дамы в колясках, как приветствуют его многие важные господа. Его тут знали почти все. А он,

тем не менее, был с ней – такой красивый, уверенный, сильный, что невольно хотелось видеть в нем защитника. Она восхищалась им, совсем не замечая, что все мужчины поворачивают голову ей вслед и немеют от ее красоты.

День был чудесный, теплый. На жемчужно-синем небе – ни облачка... Адель хотелось смеяться, петь, обнять весь мир, и она, оглядываясь по сторонам, без всякого кокетства щедро расточала улыбки. Волосы ее, падающие из-под муслинового шарфа, отливали сейчас золотом. Изумрудные глаза искрились. Эдуард наблюдал за ней, все еще теряясь в догадках. Как себя вести? Она улыбалась всем вокруг, он видел, что делает она это не из кокетства, а от чистого сердца. Барон вчера рассказал ему о двадцати тысячах франков, обещанных госпоже Эрио. Так что же – Адель не знает об этом? И знает ли она вообще о чем-то?

— Я люблю Париж, – призналась она искренне... – Правда, это, может быть, оттого, что я нигде не бывала, но в данный момент мне именно Париж нравится больше всего... Особенно хорошо, когда ты свободна. Ну, когда ты не в пансионе.

— И долго вы были там?

— С самого детства. Я помню только пансион да еще Нейи, где мы жили у кормилицы.

— Вы?

— У нее была целая куча малышей. Мы жили вместе, пока мне не исполнилось шесть. Мне даже кажется, что это мои братья и сестры.

Он слушал ее внимательно, не отрывая взгляд от ее лица. Смеясь, Адель рассказала ему, как они пили по утрам только что надоевшее молоко, купались в канаве, поднимая кучу брызг, как маленький толстяк Оноре таскал ее за косы, как они строили башни из песка и все загадывали, чья мама придет первая.

— Мне было хорошо там. Я всегда вспоминаю Нейи с радостью, не то, что пансион.

— А что пансион? – Он чувствовал, как против его воли в нем зарождается чувство, подозрительно похожее на нежность. Он и сам не знал, хочется ли ему этого.

— Не знаю. – Она качнула головой. – Мне кажется, меня там не особенно любили.

— Вас трудно не любить, Адель. Должно быть, в этом вашем пансионе были какие-то странные люди. А, может быть, они вам просто завидовали.

— Да, уж это было... Они считали, что я слишком красива для...

Она не договорила, будто испугавшись того, что хотела сказать.

— Ну уж заканчивать фразы вас должны были научить, – сказал Эдуард, удерживая лошадь.

Она в замешательстве посмотрела на него:

— Они, кажется, считали, что я слишком красива для... для порядочной девушки. Они были не правы, не так ли?

Эдуард, казалось, не слышал ее вопроса. Он ничего не отвечал, задумчиво наблюдая, как перед ними разворачивается элегантно ландо. Он хорошо знал даму, сидевшую в нем. Его пронзило острое чувство досады от того, что он встретил здесь госпожу д'Альбон.

А Адель... Ей-Богу, он не знал, что ей ответить. Он снова взглянул на знакомую своей матери: она подняла лорнет, разглядывала их и, казалось, звала к себе.

— Боюсь, мадемуазель, – произнес он негромко, – что в чем-то у них был резон.

Мадам д'Альбон сделала знак, словно умоляя его приблизиться. Честно говоря, Эдуард был бы рад послать ее ко всем чертям, тем более сейчас, когда после его ответа Адель была в таком смятении и совершенно не знала, как его расценить. Но мадам д'Альбон, эта старая сплетница, была давней подружкой его матери, они обе были в эмиграции. Он тронул поводья лошади, скрывая недовольную гримасу.

— Простите, Адель. Эта дама – что-то вроде тетюшки. Я вернусь через пол-минуты.

Адель не произнесла ни слова, но в глазах у нее было замешательство, когда он отъехал.. Словно во сне, она видела, как Эдуард спешил, как поцеловал руку старой аристократке,

смотревшей на нее так неодобрительно. У нее не выходил из головы его ответ: «В чем-то у них был резон». Что это значило? Что она вправду слишком красива, чтобы быть порядочной? Боже мой, да как же он к ней относится?

И тут ее, словно молния, пронзили голоса, раздавшиеся сзади.

— Кто эта малютка в черном?

— Бог мой, разве вы не поняли? Новая пассия Эдуарда.

Она в ужасе обернулась. Кровь прихлынула к ее лицу. Два щеголя, настоящие денди, стояли, держа под уздцы лошадей, один из них гнул в руках хлыст. Оба явно были из высшего общества, холеные и изысканные. И такие дерзкие, что ни один из них даже не понизил голос, когда она взглянула на них в упор.

— Хороша, как ангел. Я не откажу ей в примеси благородной крови.

— Да разве вы не знаете, кто ее отец?

— Кто?

— Русский князь Демидов.

— Черт побери!

— Да, вот именно... – Молодой нахал прищурился. – Эдуарду не откажешь во вкусе. Стоит только представить, что за цветок выйдет из этого бутона.

Она не могла слушать дальше. Все это было так дико, так недоступно ее пониманию, что она дала лошади шпоры. Ей хотелось убежать от этих нескромных пересудов, граничащих с оскорблением, несколько ею не заслуженным. Она поскакала прочь. Щеки ее пылали. Адель пережила сейчас ужасное чувство, а именно: она впервые ясно ощутила себя парией в этом изысканном обществе.

Она была не такая, как они... Отнюдь не глупая, она наконец дала себе в этом отчет. Дамы и господа, приветствовавшие их, на самом деле приветствовали Эдуарда. На нее смотрели жадно, неодобрительно или в лучшем случае с любопытством. «Я не их круга, – призналась себе Адель, и сердце у нее больно сжалось. – Но почему же это так? Разве моя мать – не графиня? Чем она хуже их?» Ей было так мучительно стыдно, так обидно, что она не могла больше ехать. Остановившись у входа в маленькое кафе, Адель бросила поводья первому попавшемуся слуге, и, ничего не видя перед собой, пошла к столику. Там села и спрятала в ладонях пылающее лицо.

Русский князь Демидов... Она не впервые слышала это имя. Она даже знала этого человека – тогда, во Флоренции, он каждый день бывал у них, важный, седой, высокий. Мама проводила с ним очень много времени. С Адель он почти не разговаривал. Вообще не уделял ей никакого внимания. Изредка она встречалась с его сыном Анатолем, но ей он тоже не нравился – самоуверенный, наглый, надменный.

Да неужели такое возможно? Демидов – ее отец? А что же тогда мама – его любовница? Ведь ее мужем был граф д'Эрио. Закусив губу, Адель подняла голову. Ей хотелось, чтобы Эдуард вернулся, и хотелось успокоиться к его приходу. Вопросов все равно так много, что за один раз всего не понять. Она поговорит с матерью... А сейчас надо прийти в себя. Хотя, честно говоря, день казался ей тусклым от слез, стоявших в ее глазах. Оскорбленная до глубины души, она уже не чувствовала себя счастливой, и веселиться ей больше не хотелось.

Госпожа д'Альбон, дама уже престарелая, чересчур худая, рыжая и жеманная, опустила лорнет, только когда Эдуард подъехал к ней. Опасения его подтвердились: она стала говорить как раз то, что он ожидал.

— Эдуард, дитя мое, я знаю вас с пеленок. Я вовсе не беру на себя ответственность поучать вас, но, Боже мой, вы переходите все границы...

— Что вы имеете в виду? – холодно спросил он.

— Эта ваша спутница... – Мадам д'Альбон снова подняла свой лорнет. – Я не ханжа. Я знаю, что это такое – быть молодым. И знаю то, что вы любите похождения. Простите, но дружба с Антуанеттой позволяет мне говорить это.

— Я слушаю вас, мадам.

— Надеюсь, со всем вниманием... Я не исключаю в вас, Эдуард, некоторого уважения приличиям, но уж слишком глубоко это уважение погребено. Появляться на людях с такими особами – это ни на что не похоже.

— Эта особа, – проговорил он, внезапно раздражаясь, – намного чище, чем вы себе представляете, и нас пока ничто не связывает.

— Возможно... – Она говорила певуче, музыкально, вполне благожелательно. – Но это даже к лучшему. Ты знаешь, где место подобным заблудшим созданиям, – зачем же объявлять всему миру, что ты ее содержишь?

Эдуард сделал шаг к коляске:

— Я выслушал вас, мадам, со всем почтением. А теперь не смею вас больше задерживать.

Он впервые почувствовал, что, пожалуй, ненавидит госпожу де д'Альбон. Она мучила его в детстве своими нотациями, она и сейчас, похоже, думает, что имеет право наставлять его. Эдуард вскочил в седло, яростно стегнул лошадь. Черт побери, а где же Адель?

Он нашел ее в кафе. Расстроенная, раскрасневшаяся, она сжимала в руках стакан лимонада. В глазах у нее стояли слезы. Увидев его, она подняла голову и, казалось, всем существом потянулась к нему, словно искала защиты.

— Адель, что случилось? Почему вы бежали? – Он мягко взял ее руки в свои. – Я слишком долго отсутствовал?

Она хотела промолчать, только тяжело глотнула. Эдуард ласково, почти с нежностью улыбнулся:

— Так что же, это мое отсутствие так оскорбило вас?

— Нет, не вы... пожалуй, не стоит об этом говорить.

Она сказала это решительно, уже хорошо понимая, что вряд ли Эдуард может быть ее защитником. Он внимательно заглянул ей в глаза, впервые заметив, что брови ее чуть нахмурены. Несомненно, Адель отчего-то больно.

— Душа моя, если кто-то посмел...

Она вскинула голову:

— Нет. Все хорошо, говорю же вам! А если кто-то и посмел, то я должна во всем сама разобраться.

Он все понял по этому ответу, по ее чуть дрогнувшему голосу. Этого следовало ожидать. Кто-то там, на площади Звезды, посмел намекнуть ей о том, о чем она не подозревает. Или она просто услышала чужой разговор... Не следовало оставлять ее одну. Он сжал ее руку сильнее, поднес к губам, – ему нравилась эта белая нежная кожа, прохладная, свежая, эти перламутровые ногти. У нее рука королевы. Подумав об этом, Эдуард вдруг очень ясно ощутил, что ему жаль ее.

Да, жаль. Честное слово, он не знал, как поступить. В своих первоначальных планах он усматривал даже какую-то жестокость. Надо оставить ее в покое – так, вероятно, будет честнее всего. Но, Боже мой, как его тянуло к этой девушке – чистой, открытой, наивной. Как ему хотелось именно этой чистоты. В том, что она чиста, он уже не сомневался. И какое это было возбуждающее сочетание – чистота и чувственность ее облика, неведение и столь откровенная теплота ее плоти. Да нет, он не может от нее отказаться. Что угодно, только не это. Им хорошо сейчас, она рада, а чего иного в этом мире еще можно желать?

Он дал себе слово никогда больше не бывать с ней в людных местах. Старая выдра мадам д'Альбон была права. У всякого свое место. Для Адель будет больше болезненного, чем приятного в этих прогулках.

Принесли мороженое. Эдуард зачерпнул ложечкой немного сладкой молочной массы и, улыбаясь, поднес к губам Адель:

— Съешьте. И улыбнитесь наконец.

Невольно улыбаясь, она открыла рот и неловко взяла губами мороженое. Его и возбудил и тронул этот жест:

— Жизнь прекрасна, Адель. Честное слово. Съешьте еще, и тогда я вам скажу что-то важное.

Улыбаясь уже веселее, она проглотила, потом передернула плечами, усаживаясь поудобнее. Слез уже не было в ее глазах. Он смотрел на нее почти зачарованно. Потом негромко произнес:

— Адель, я люблю вас.

— Что? – Она, оказалось, не ожидала такого.

— Да-да, не удивляйтесь. Я люблю вас. Я даже скажу вам больше: уже очень давно я никого так не любил. Вы очень нужны мне сейчас. Обещайте, что не покинете меня.

Он нисколько не кривил душой. Он действительно любил ее. Другое дело, что он не знал, надолго ли его хватит и сколько все это будет продолжаться. Но встрече с этой девушкой он был, безусловно, рад, и, хотя еще не знал, как поступить с Адель, был уверен, что она принесет ему счастье. Он не хотел разочаровывать ее. Он желал лишь одного: чтобы и он, и она были хоть какое-то время счастливы.

И, хотя он говорил это весело, немного даже шутливо, Адель отнеслась к этому весьма серьезно. Кровь отхлынула от ее лица, и она произнесла – торжественно, важно, будто давала клятву:

— Нет, что вы, об этом и речи быть не может. Я никогда вас не покину. Это... ну, это же невозможно. Разве не говорила я вам? Мне кажется, вы всегда были в моей жизни и я никогда-никогда не смогу с вами расстаться. Это даже не любовь. Это...

Помолчав, она прошептала, робко поднимая на него глаза:

— Это судьба.

Он смотрел на нее со смешанным чувством легкой боли, желания и нежности. В глазах многих женщин он видел любовь, но эти глаза, изумрудные, огромные, прекрасные, были сейчас дороже всех. У нее это было первое чувство. Она не лгала. И, что важнее всего, ее любовь не была ему безразлична.

Эдуард поднялся, помог подняться и ей. Она шла за ним очень доверчиво, убежденная, что он знает, куда ее вести, и уже совершенно позабыла об обидах, мучивших ее раньше. Выйдя из кафе, они остановились у цветущих кустов амаранта, чьи красные бутоны стояли над листвою, как огненные столбы. Эдуард привлек ее к себе, его рука легла на ее затылок, слегка зарылась в волосы, откидывая Адель голову. Он видел ее губы, чуть измазанные мороженым, пухлые, свежие, сочные. Порой, глядя на нее, он едва владел собой. Так было и сейчас. Обхватив ее за талию, он сжал ее жадно, даже грубо, прижал к себе так крепко, что она впервые в жизни ощутила, как вжимается в нее напряженная, рвущаяся мужская плоть. Покорная его объятиям, взволнованная, потрясенная, она обвила руками его шею, легкий стон сорвался с ее губ. Он уже искал ее рот, поцеловал жадно, ненасытно, проник между полуоткрытыми губами, и их языки встретились – твердый, настойчивый его и мягкий, сладкий, как клубника, ее.

Никто еще не целовал ее так пьяняще, так удушающе-жарко, так всепоглощающе. Задыхаясь, она чуть-чуть отстранилась, его губы оказались на ее груди, там, где лиф платья обнажал нежную ложбинку. Он сильно сжал ее груди, приподнятые жестким корсетом, оцупал ее всю, до самых бедер, и все это бесстыдно-смело, ничего не боясь и ничего не стесняясь. Она не сопротивлялась ему, чувствуя, что и ее захлестывает какая-то мощная, неудержимая волна, – не так сильно, как его, но и ее тоже.

Он отстранился, опасаясь слишком испугать ее, но она, казалось, даже пожалела об этом, потянулась вслед за его руками, припала головой к его груди. Эдуард мягко поддержал ее. В нем пылало желание, но он понимал, что следует подождать: хотелось почему-то обойтись с этой девушкой нежно, так, чтобы она поняла, что за радости таятся в плотской любви. Он мягко взял в ладони ее лицо.

— Отвезти вас домой?

Она по-детски кивнула.

— Адель, вы говорили, что любите Нейи. Хотите отправиться туда? В воскресенье утром, например?

Она снова кивнула. Сердце у нее стучало слишком быстро, чтобы она могла говорить.

— Вы ездили когда-нибудь на поезде?

— Один раз.

— Ну, так, значит, в Нейи мы отправимся по железной дороге. Мне хочется, чтобы вы развлекались.

— Да-да, конечно, я поеду с вами... Для меня нет ничего лучше этих прогулок. Я так люблю вас.

Она снова уткнулась лицом ему в грудь. Улыбаясь, он погладил ее мягкие волосы.

— Адель, дорогая моя, если это так, мы, пожалуй, будем вполне счастливы.

6

Гортензия была удивлена, узнав, что ее дочь вернулась к ужину. Но еще более ее удивил вид Адель, когда та спустилась в столовую, – удивил и расстроил. Девушка была бледна и сосредоточенна, зеленые глаза смотрели мрачно. Вначале госпожа Эрио решила, что, конечно же, этот молодой развратник сотворил с ней что-нибудь эдакое, от чего она сама не своя, но тут Адель заговорила.

— Мама, ты можешь ответить мне, если я спрошу, но ответить честно–честно?

— Да, дитя мое, – слегка расстроено сказала Гортензия. – Но, Боже мой, разве я когда-нибудь говорила тебе неправду?

У госпожи Эрио, честно говоря, сердце пропустило один удар. Лихорадочно смяв салфетку, она попыталась представить, что же такое Адель могла узнать?

Адель, не поднимая глаз от тарелки, серьезно и мрачно произнесла:

— Сегодня на площади Звезды я слышала разговор, который... который меня удивил.

— Разговор? Господи, детка, разве можно прислушиваться ко всем сплетням? Пожалуй, я заранее могу сказать тебе, что все услышанное – неправда.

— Мама, это были люди из высшего света. Мне кажется, они не стали бы лгать попусту. Я уже не говорю, что они были... были со мной непочтительны. Они смотрели будто сквозь меня и один из них сказал другому, что мой отец...

Адель подняла глаза:

— Что мой отец – князь Демидов, тот самый, у которого мы гостили во Флоренции.

Гортензия смотрела на дочь, но даже румянец не разлился по ее бледным щекам. Если признаться, она ожидала худшего. Она успела взять себя в руки, и сердце у нее стучало уже ровно. Все, что ни случилось, – к лучшему. Гортензия почти спокойно спросила:

— Чего же ты хочешь? Что я должна сделать, по-твоему?

— Сказать мне, правда ли это.

Губы у Адель были закушены, вся поза выдавала напряжение. Гортензии не понравился взгляд дочери – будто взгляд судьи. Так, пожалуй, смотрят порядочные женщины на куртизанок. Она всегда ненавидела такие взгляды, а уж от дочери и подавно не могла такого стерпеть.

— Ты думаешь, что имеешь право спрашивать меня об этом?

— Мне хочется знать, был ли у меня отец. Был ли вообще когда-нибудь на свете граф д'Эрио или это все твои выдумки!

— Это не мои выдумки! Это внушила тебе кормилица. Быть может, я не говорила с тобой откровенно, но и никогда не лгала.

Адель напряженно сказала:

— Так, значит, это правда. Никакого графа д'Эрио никогда не было и русский князь – мой отец.

Мучительный румянец разлился по ее лицу. Гортензия, ничего не утверждая и не опровергая, поднесла бокал к губам. Да-да, она снова чувствовала облегчение. Хотя бы одна тайна с плеч долой, и с Адель ничего не случилось страшного. Конечно, ей должно быть и стыдно, и досадно, но она привыкнет. А насчет Демидова... Гортензия покачала головой, горько усмехаясь уголками губ. Что уж там говорить; она понятия не имела, кто отец Адель. Кандидатура Николая Демидова не исключалась, но с таким же успехом это мог быть и его секретарь, и приказчик с улицы Муффтар – с происхождением беременности всегда такая путаница.

Адель в ужасе проговорила, пронзенная неприятной мыслью:

— Так, значит, я незаконнорожденная. Боже мой, и весь Париж это знает... Мама, как ты могла!

Она закрыла руками лицо, снова склоняясь над тарелкой. Ей стало понятно, что Эдуарду, конечно же, все известно об ее происхождении. Вот почему она не такая, как все. У нее, честно говоря, даже нет фамилии. Незаконнорожденная, внебрачный ребенок – таких еще называют ублюдками...

Гортензия, задетая до глубины души упреком, прозвучавшим в голосе дочери, почти взорвалась:

— Ах вот как! Как я могла! Да ты просто глупа, душа моя! Ты не понимаешь вовсе, кем я была тогда и что чувствовала! Я могла бы тысячу раз отказаться от тебя, бросить, отдать в приют. Я могла бы вообще не произвести тебя на свет, если бы была щепетильна. И ты теперь спрашиваешь, как я могла! Если бы ты... если бы ты пережила хоть десятую часть того, что пережила я, ты никогда не задала бы мне таких вопросов!

Адель не отвечала. Гортензия уже тише добавила:

— Разве имеет значение, какая ты? Ты живешь на свете, ты красива, ты можешь быть счастлива. Я тоже незаконнорожденная, но никогда не страдала от этого.

— Ты незаконнорожденная?! – переспросила Адель в ужасе.

— Да, дорогая моя, и мать моя, и бабка – в нашем роду все такие. Что уж тут поделаешь.

— Что же такое наш род? Почему у нас все не так, как у других? Расскажи мне хоть что-нибудь о себе, и тогда, может быть, я перестану спрашивать. Или... или ты думаешь, что будет лучше, если другие расскажут мне об этом?

Гортензия сухо оборвала ее:

— Мне нечего рассказывать. Ты зря воображаешь, что все только тем и занимаются, что судачат о нас. Оставь меня, наконец, в покое.

Она нервно катала по скатерти хлебный шарик. Ей столько за всю жизнь пришлось перенести унижений, что она почувствовала негодование, когда поняла, что дочь нападает на нее так, как это делали совершенно чужие люди. Адель ничего не смыслит. Гортензия вспомнила себя в этом возрасте – тогда они с матерью жили на Мартинике, неподалеку от Сен-Пьера, на ферме одного французского аристократа. Таких там называли “гран-блан” – “великие белые”. Что касается ее с матерью, то они были никто – так, креолы, белая голытьба, лишь немного выше негров. Плантатор без конца рассказывал о Франции и Париже. Завороженная этими рассказами, она и уступила его объятиям. Уже потом у Гортензии была первая любовь и первая страсть – капитан французского корабля, согласившийся увезти ее с острова в метрополию. Ей тогда было шестнадцать. Она думала о судьбе Жозефины де Богарнэ, такой же креолки, как и она, ставшей во Франции императрицей.

Но Жозефина родилась под более счастливой звездой – она встретила Наполеона. Гортензии не суждено было сорвать такой крупный куш. Капитан оставил ее, ушел в новое плавание. Для бедной девушки в Париже было два пути: либо работать, либо продаваться. Но Гортензия не хотела, чтобы хозяйка заставляла ее чистить котлы, гоняла бы на рынок, а потом давала пощечины за каждый лишний потраченный су. На фоне парижских гризеток она выделялась яркой, экзотической красотой. На нее оборачивались, стоило ей пройти по улице. Это и стало для Гортензии подсказкой, впрочем, особо добродетельной она никогда не была и к продажной любви отвращения не испытывала.

И по сей день, вспоминая свою жизнь и особенно юные годы, она не жалела о сделанном выборе. Она была вполне счастлива. Она имела все необходимое, любила, кого хотела, а когда отдавалась за деньги, то не страдала от этого. Она была более независима, чем многие добропорядочные дамы. Уязвляло ее лишь одно: то, что к ней порой всякие ханжи проявляли пренебрежение. Подсознательно она чувствовала, что не заслуживает этого. Она сделала себя сама. Она не мошенничала, не заставляла богачей жениться на ней, хотя такая возможность у нее была. Ее жизнь состоялась, и Адель более всего не пристало ее упрекать.

Резко и сухо Гортензия произнесла, поднимаясь:

— Я всегда любила тебя, милочка, всегда заботилась о твоём воспитании и никогда тебя не бросала. Я и сейчас готова ради тебя на что угодно. Будь добра, отплати мне, исполнив мою просьбу.

— Какую? – без всякого выражения произнесла Адель.

— Никогда не спрашивай меня ни о чем и не приставай ко мне с упреками. Не раздражай меня. Видит Бог, моя жизнь не так безоблачна, как тебе кажется, и я не могу тратить свои нервы еще и на то, чтобы успокаивать всяких дерзких девчонок, таких, как ты.

— Но, мама, я же у тебя одна! Я единственная дочь!

— О, честное слово, я рада этому. Будь у меня вас несколько, я бы вообще не знала, куда деваться.

Адель осталась одна. Откинувшись на спинку стула, она несколько раз глубоко вздохнула. Чашка кофе остывала перед ней. Есть, конечно, Адель не хотелось. Она взглянула в окно. Солнце как раз садилось, и петунии на подоконнике розовели в закатных лучах. Едва стуются сумерки, станет прохладнее. Адель провела рукой по лбу, вытирая испарину, потом тряхнула косами, словно пытаясь выйти из оцепенения.

Сказать, что она была ошеломлена, – это значит ничего не сказать. Ей казалось, что вся жизнь ее зашаталась и становится с ног на голову. То, что она незаконнорожденная, она уже уяснила и даже попыталась найти оправдания – для себя и для матери. Как известно, быть внебрачным ребенком – это не так уж страшно, Людовик XIV имел их бесчисленное множество и всем дал титулы. Во Франции такие дети часто добивались всего, чего хотели. У Адель, к счастью, отец был не самый худший – князь Демидов. Он, конечно, не интересовался ею, но ей это и не нужно было. Что касается матери, то и для нее нашлось оправдание. Что, если она была влюблена, так, например, как Адель сейчас? Несомненно, все так и было. За что же упрекать ее? Оставалась, правда, еще одна печаль: то, как отнесется к этому Эдуард. Адель с грустью подумала, что ему, наверное, давно все известно. Раз об этом ходят пересуды, значит, и он их слышал.

Но, в конце концов, ведь в этом ничего нельзя изменить. Она родилась такой. Что тут поделаешь? Так получилось. И, разумеется, она сама в этом не виновата. Так что нет никакого смысла страдать по поводу своего рождения. Эдуард сказал, что любит ее, и, конечно же, его любовь не пришла бы к ней, если бы она того не заслуживала.

Вскинув голову, Адель вдруг ощутила даже некоторую гордость. Князь Демидов! Невозможно даже описать, как богат и знатен он был. Во Франции русских, честно говоря, считали чуть-чуть дикарями, но это лишь усиливало любопытство, проявляемое к каждому русскому вельможе. Все они обладали невероятными изумрудами, бриллиантами величиной с грецкий орех, прочими невиданными драгоценностями – словом, были богаты, как индийские набобы. Если бы Адель знала раньше, что Демидов ее отец, она бы получше пригляделась к нему. Но одно она поняла и сейчас: это родство, пусть даже не совсем законное, приближало ее к Эдуарду, делало хотя бы вполовину такой же знатной, как он.

И снова ее мысли вернулись к матери.

Адель нахмурилась. По правде сказать, она плохо знала Гортензию. Они жили в одном доме всего лишь полгода. Но, если полной близости между ними и не было, Адель всегда безмерно восхищалась матерью и доверяла ей во всем, считая самым лучшим, самым близким человеком на земле.

Да и как было не восхищаться? Гортензия, без сомнения, была одной из самых красивых женщин Парижа... Вдруг, подумав об этих высокопоставленных женщинах, Адель задала себе вопрос: почему никто из них никогда не заезжает к ним, не наносит визиты? Вот хотя бы графиня де Монтрей, мать Эдуарда. Или подобные ей дамы... Ей-Богу, на этот вопрос не находилось ответа. То, что у госпожи д'Эрио есть внебрачная дочь, – еще не достаточный повод

для того, чтобы полностью ее игнорировать. В их же доме бывали те женщины, которых Адель совершенно искренне не любила и считала вульгарными. Впрочем, у всех у них были титулы.

А титул ее матери? А то, что говорил Эдуард о фальшивых орденах австрийского князя? Что это был за намек? Что все эти графы, маркизы и бароны, собирающиеся у них, – авантюристы и самозванцы?

Страшное сомнение зашевелилось в душе Адель. Она прижала ладони к щекам, чувствуя, что они снова начинают пылать. Нет, Боже мой, ей не хотелось во все это верить. Да что она себе вообразила? Ее мать не делает ничего дурного. А она, Адель, просто слишком подозрительна и тенденциозна. Стоит ей о чем-то задуматься, как вспоминаются все мелочи, обрывки фраз, полунамеки, и из этой чепухи выстраивается целая цепочка кошмарных догадок. Которые, конечно же, не имеют никаких оснований. Она просто слишком взбудоражена сегодня.

Адель встала, снова тряхнула головой, приказывая себе забыть обо всем этом. Хотя бы на время. Ах ты Господи, ведь у нее есть гораздо более приятный предмет для размышлений. Через несколько дней они едут в Нейи по железной дороге. Почему бы не думать только об этом и не оставить, наконец, бедную маму в покое?

Воспоминание об Эдуарде подействовало, как наркотик. Через секунду Адель стало казаться сущим пустяком все то, что волновало раньше. Надо было еще столько сделать дел: выбрать наряд, поразмыслить, как себя на прогулке вести, и, разумеется, помечтать, сидя на подоконнике.

Но, кроме того, надо было хорошо выспаться, чтобы быть ослепительно свежей и понравиться тому, кого она так любит.

7

День был жаркий и душный. Крыша ресторана “Приют рыбака”, сделанная из белого железа, сверкала на солнце. Собственно, это был даже не ресторан, а маленький уютный кабачок, стилизованный под белый деревенский домик, кокетливый и свежесмысленный. Совсем рядом сияла излучина Сены. По реке то и дело проплывали паромы и маленькие прогулочные пароходы, полные нарядных веселых людей и влюбленных парочек, украшенные пестрыми бумажными флажками. На берегу оркестр из пяти человек наигрывал фривольные модные песенки и легкие арии; тут же отплясывали пары – служанки, гризетки, рыбаки, рабочие. Весь Париж в воскресенье растекался по предместьям; здесь, неподалеку от моста Нейи, собирались люди с невысокими доходами и преимущественно не слишком воспитанные – все те, кто составлял самый нижний слой буржуазии.

— Это Россини, – произнесла Адель, прислушиваясь к веселой мелодии. Потом обернулась к Эдуарду: – Не правда ли?

— Вы ходите в оперу?

— Нет, мама не любит там бывать. Но я учусь музыке, и мой учитель давал мне партитуру.

— Ваш учитель молод? – прервал ее Эдуард.

— Нет, не очень... Но он мне нравится. Он добр.

Граф поневоле поймал себя на мысли, что ревнует. Легко-легко и, конечно же, беспричинно. Просто было почему-то досадно слышать, что ей кто-то нравится – будь то даже не очень молодой учитель музыки.

Она внимательно смотрела на него. Он взял ее за руку:

— Дорогая Адель, я, кажется, начинаю жадничать.

— Жадничать? Чем же?

— Вами, мадемуазель. Вами.

Она засмеялась, счастливая оттого, что слышит это. Ее переполняли впечатления. Сначала этот паровоз, пыхтящий жаром, с вырывающимися клубами пара, словно видение из самого ада. Она не испугалась, конечно, но посмотреть на такое стоило. Потом они пешком шли к Сене. Было одиннадцать утра – час завтрака. Словно угадывая ее мысли, граф спросил:

— Что, если мы подкрепимся немного перед прогулкой?

Она всплеснула руками:

— Ах, я действительно страшно голодна!

— Правда? И чего же вы хотите?

— Земляники со сливками! Кофе! Пирожных! И еще чего-нибудь, что только у них есть вкусного.

Слегка коснувшись рукой ее талии, Эдуард повел ее в “Приют рыбака”. Честно говоря, он был рад увести Адель от толпы – уж слишком на нее тарасились. Одетая она была, правда, очень просто, как раз для загородной прогулки – легкое платье из белого муслина, полупрозрачное, открытое, светлая шляпка из рисовой соломы с маками – но одежда для Адель и не имела особого значения. Она принадлежала к тому типу женщин, которые, пройдя по улице, заставляют мужчин с первого взгляда замирать от желания. Она была гибкая, стройная, сквозь легкое платье призывно просвечивала, угадывалась упругая золотистость ее плоти. Роскошные тяжелые косы, уложенные на затылке, тоже отливали золотом. Юноши смотрели на нее, будто целовали и раздевали взглядами, и Эдуард почувствовал, как досада и ревность снова кольнули его в самое сердце.

Он заказал все, что хотела Адель, а вдобавок шербет и вино. Слуга наполнил холодным белым вином их стаканы, потом принес мороженое с черной смородиной и ликером. Адель с

охотой ела, но вино вызвало у нее сомнения. Она, конечно, пробовала его, но не с утра и не так много. Не целый бокал... С другой стороны, неужели ей стоит вести себя как ребенок? Решившись, она отпила немного – вино оказалось лучше, чем она ожидала. Оно было тем более приятно, что освежало и дарило прохладу – почти ледяное в такой жаркий день.

Эдуард совсем не пил, опасаясь под влиянием вина окончательно потерять голову. Он и так был достаточно опьянен от одного присутствия Адель – ее улыбки, блеска жемчужных зубов, того, как она поправляла волосы, как колыхались ее юбки. Открытое платье позволяло взгляду проникать за корсаж и давало пищу воображению. Он на мгновение закрыл глаза: с десятков самых соблазнительных видений пронесся перед ним. Со времен юности Эдуард ни о ком так не грезил. Тряхнув головой, он попытался взять себя в руки.

— Нравится вам здесь? – спросил он.

— О, здесь чудесно. – Она оглянулась. – Но, правда, не совсем так, как я надеялась.

— А на что вы надеялись?

— Я хотела, чтобы здесь было меньше людей, вот как.

Сама того не зная, она высказала то, о чем думал и он, и этим ответом разрешила все его сомнения. Он полагал, что был достаточно терпелив, теперь ему хотелось большего, чем эти невинные прогулки и мимолетные поцелуи. У него была небольшая квартира на улице Эльдер, нанятая им нарочно для интимных свиданий – ведь приводить женщин в дом своей матери он не мог. Эдуард был уверен, что ему удастся убедить Адель прийти туда на следующей неделе.

Он мечтал об этом будущем свидании не переставая. Разве не упоительно будет не только представлять, какая Адель под платьем, но и увидеть это воочию? Он хотел обладать ею, и хотел этого безумно, хотел познать ее всю, до малейшего кусочка плоти, хотел узнать, какая она там, внутри – ведь все женщины разные, стыдлива она или бесстыдна, горяча или холодна. Он снова заставил себя думать о другом, чтобы сохранить самоконтроль.

Принесли шербет из черной смородины в тонком бисквитном “тюльпане” с алым соусом из свежей малины и каплей крепкого ликера, и Адель не скрыла своего восторга:

— Ах ты Господи, какая прелесть!

Она даже привстала, склоняясь над блюдом, корсаж чуть отошел от груди, и на миг стала очень ясно заметна нежная линия раздела между двумя холмиками.

— Не пейте больше, Адель. Это может вам повредить. Сегодня слишком жарко.

Она внимательно посмотрела на него:

— Вы часто бываете в таких местах, как это?

— Не так уж часто. Но если вам нравится, я готов бывать здесь каждое воскресенье.

Она допытывалась:

— А где же вы обычно бываете? В каких местах?

— В Опере, в Водевилье, в Амбигю. Или в Монрее на скачках.

— В Монрее! Так, значит, этот городок называется вашим именем?

Эдуард улыбнулся.

— Нет. Это мы стали Монреями благодаря городку.

Адель произнесла, в замешательстве глядя на него:

— Представляете, я вдруг подумала, что совсем не знаю вас. Вы старше меня... На сколько?

— Полагаю, лет на двенадцать, Адель.

Мгновение она молчала, потом растерянно произнесла:

— Так ведь это получается, что, когда вы были в пансионе, я еще даже не родилась?

— Я не был в пансионе никогда, милая Адель. Я вообще нигде не учился.

— Нигде?

Какую-то секунду он и сам не мог взять в толк, почему говорит с ней об этом ей. Не в его правилах было что-то рассказывать о себе. Его прошлое принадлежало только ему и его

матери, и он не делился им ни с кем. Но Адель была во всем какая-то особенная. Он произнес, не слишком, впрочем, охотно:

— Было время, когда я штудировал право в университете. Но ни в лицеях, ни в пансионах я никогда не был.

— Кто же вас учил? Ну, читать и писать?

— Сначала мама. А потом гувернантки.

— Ваша мама... Какая она?

Он покачал головой.

— Какая? Мне трудно это сказать. Я очень люблю ее.

— Мне кажется, – прошептала она, – я тоже ее люблю.

— Любите?

— Да. – Адель поспешно пояснила, заливаясь румянцем: – Может быть, это глупости, я ведь даже не видела ее никогда, но, раз ее любите вы, то, значит, и я тоже...

— Вы, стало быть, любите все, что люблю я?

— Все. Мне хочется, чтобы вам было хорошо.

Эдуард нежно коснулся губами ее руки:

— Ради Бога, предоставьте для начала эту роль мне, моя прелесть.

Он на миг задержал ее руку у своей щеки и почувствовал, как ее пальцы, робко освобождаясь, погладили его висок.

— Я уже не голодна, Эдуард, – сказала она, впервые называя его по имени. – Мне хочется пойти к Сене.

Он оплатил счет и, едва касаясь рукой талии девушки, повел Адель к выходу. Официанты кланялись им на прощанье, приглашая заходить еще. У самого выхода дорогу им неожиданно преградил мужчина в светлом сюртуке, с шелковым галстуком, повязанным вокруг шеи.

— Мадемуазель, – произнес он, приподнимая шляпу.

Адель, чуть нахмурясь, остановилась на мгновение. Она, казалось, не сразу узнала этого человека; потом лицо ее немного прояснилось и она сдержанно произнесла:

— Доброе утро, господин Лакруа.

Он окинул ее пристальным взглядом, раскланялся с Эдуардом и отошел в сторону, все так же не спуская с Адель глаз.

Графу де Монтрею не по вкусу пришелся этот явно заинтересованный его спутницей господин Лакруа. Скрывая раздражение, он спросил:

— Это ваш знакомый?

— Знакомый мамы, – не слишком охотно ответила Адель. – Я знала, что у него есть ресторан, но не думала, что именно этот.

— Вы, кажется, нравитесь ему.

Хмурясь, она ответила ему:

— Нет, не думаю.

Потом, на миг умолкнув, прислушалась к музыке и, просияв, воскликнула:

— А вот это уже Доницетти. Не так ли? Я права?

От жары вода в Сене стала теплой, как парное молоко. Засыпали, зарывшись в ил, утки. Стрекозы вяло перелетали с цветка на цветок. Душно было даже в густой тени огромных старых деревьев. От слабого ветра едва шевелилась высокая трава, сплошь покрывающая пологий склон холма.

Покусывая соломинку, Эдуард наблюдал за Адель. Скинув туфли, она босыми ногами шлепала по мелководью, иногда подбирала юбку повыше, заходила подальше и срывала лилии. В этот миг он видел ее стройные щиколотки, обтянутые белыми чулками и краешки кружевных панталон. Потом юбка опадала, скрывая то, чем он любовался раньше.

Адель обернулась, вся сияя улыбкой:

— Я нравлюсь вам такая?

Она бросила соломенную шляпку в траву и была сейчас в венке из трав и лилий.

— Идите сюда, – сказал Эдуард.

Она была одной из тех женщин, которым ничего не нужно для подчеркивания своей красоты, – настолько она у нее ослепительна и естественна. Встрепанная, улыбающаяся, с распустившимися золотистыми косами, она была прелестна сейчас; лилии отбрасывали легкую тень на ее лицо. Адель подошла, села рядом, поставив маленькие босые ступни на землю.

— Слышите? Поет соловей, – прошептала она едва слышно.

Действительно, где-то в кустах, среди цветов, разливались волшебнейшие рулады, переходящие в мелодичное щебетанье. Все будто уснуло вокруг от жары, только маленькая птичка, преодолевая густой от духоты воздух, трудилась не переставая, зачаровывая всех, кто ее слышал. Шумный вздох вырвался из груди Адель.

Она чувствовала себя, как во сне. Действие выпитого вина было в тысячу раз усилено небывалой жарой, щеки Адель пылали. Ей казалось кровь как-то иначе течет сейчас в ней – играет или кипит, что ли. Сладкая и жаркая истома проникала в каждую клеточку тела. Все ее существо будто ожидало чего-то. Сердце стучало тяжело, учащенно, дышалось не слишком свободно.

Эдуард видел, что с ней. Его состояние было немногим спокойнее. Летний зной словно туманил сознание. Наступила минута, когда молодой человек понял, что так не может дальше продолжаться: он должен прикоснуться к ней. Напряженность словно повисла в воздухе и ее надо было хоть чем-то разрешить. Его рука потянулась и обвила талию Адель; девушка коротко вздохнула, будто ждала этого, и совсем легко, гораздо легче, чем он предполагал, подчинилась ему. Он откинулся назад, ложась в траву и увлекая ее за собой. Она упала ему на грудь, их глаза встретились, и оба на какой-то миг замерли.

Он видел ее лицо теперь совсем близко: кожа ее дышала теплом, легкая испарина покрыла высокий лоб, губы были полуоткрыты. Адель прерывисто прошептала:

— Что я должна делать теперь?

Он поневоле рассмеялся, удивленный этим наивным вопросом, хотя, честно говоря, невыносимая дрожь желаний пробегала уже по его телу.

— Ничего, – проговорил он негромко, проследившая кончиками пальцев овал ее лица. – Ничего, Адель. Доверьтесь мне, и больше ничего не нужно делать.

Он тихо снял с ее головы венки, наощупь отыскал шпильки, удерживавшие ее тяжелые шелковистые косы, и волосы Адель упали ей на грудь. Эдуард теперь понял, наконец, откуда был этот нежный-нежный и едва различимый аромат роз – он шел от ее кудрей.

— Я хочу поцеловать вас, Адель, – произнес он, легко лаская ее волосы.

— Вам не нужно об этом спрашивать, – прошептала она. – Я и сама хочу этого, только...

— Только что?

— Только, мне кажется, я не умею.

— Целоваться?

— Да.

— Странно, – сказал он с иронией, – я этого в прошлый раз не заметил.

Его ладонь скользнула вдоль ее щеки, мягко обхватила шею, и он привлек ее к себе ближе:

— Этому не трудно научиться, ангел мой.

Он видел полуоткрытые губы, ожидающие поцелуя, и припал к ним – сначала коротко, легко, мимолетно, потом, на миг остановившись и сильнее сжав Адель в объятиях, поцеловал снова. Их губы сошлись изгиб в изгиб; девушка не сразу ответила ему, поначалу он чувствовал лишь как дрожат ее губы и мягко открываются ему навстречу – все больше и больше, и, наконец, он ворвался языком внутрь, преодолев влажный забор барьер зубов. Дыхание у обоих

прервалось. Адель казалось, будто тело ее плавится. Он ласкал языком ее губы, десна, ее язык – умело, нежно, настойчиво, и она вдруг почувствовала, что это легче легкого – сделать то же самое. Сильнее припадая к его груди, она не помня себя ответила ему, и теперь уже ее язык нырнул в его рот, а поцелуй стал так глубок и неистов, что казалось, проникал в кровь, в тело, до самых костей.

На миг какая-то невыносимая тревога охватила ее – так первобытны и незнакомы были чувства, которые она теперь испытывала. Она отшатнулась, рванулась назад, ослепленная страхом; Эдуард едва успел удержать ее за руку. Она замерла, прерывисто дыша. Подождав минуту, он, не спуская с Адель взгляда, потянул ее к себе – властно, настойчиво, не давая ей возможности выбирать. Она подчинилась, склоняясь над ним. Снова целуя ее, он отыскал и сильно сжал ее груди.

Все плыло у нее перед глазами. Стыдливость, соединенная с беспокойством, еще протестовала в ней, и Адель вяло и нерешительно попыталась отстранить его ладони, но сопротивление ее было слишком слабым, чтобы он поверил в него. Ласково, но настойчиво отведя ее руки, Эдуард вернулся к ее груди, потянул с плеч платье – нежно, очень неторопливо, наслаждаясь каждым дюймом этого раздевания. Из-под белого муслина выскользнуло сначала одно атласно-смуглое плечо, потом другое, обнажилась ложбинка и, наконец, обнажились груди – развитые для ее сложения, высокие, со своевольно торчащими пирамидками сосков. Его пальцы коснулись их, обхватили, потом он подтянул Адель выше, и его губы сомкнулись вокруг нежного комочка плоти, язык влажно, горячо потеревил его, а руки ласкали, сжимали, терзали каждый кусочек этого юного, теплого, невыразимо желанного тела.

Для Адель наступила минута забытья. Время текло с молниеносной быстротой или, может быть, исчезло вовсе. Задыхаясь, она сама шла к нему навстречу, склонялась над ним, подставляла то одну грудь, то другую, опьяненная тысячей незнакомых ранее чувств. Как это хорошо, когда он делает вот так... когда его язык теревит ее сосок, проникает в ушную раковину, когда его губы теплыми поцелуями покрывают шею, плечи, груди. Для нее в этом не было уже ничего беспокойного, страшного, бесстыдного; напротив, ничего более естественного с ней никогда еще не происходило. Как она могла сомневаться? Она же была рождена, чтобы пережить это. Эдуард казался ей гибким, умелым, ласковым, нежным, артистичным – никто не сравнится с ним. Волнение в ней нарастало, напряжение усиливалось, она застонала, почувствовав вдруг какое-то сильное томление, жар между бедер и ощутив ту каменную, твердую часть его плоти, упирающуюся ей в живот.

— Эдуард, – прошептала она.

Он взглянул на нее, но взгляд его был затуманен.

— Эдуард... Я хочу...

Она так и не смогла выразить, чего же ей хочется. Но Эдуард и не дослушал ее; он заметил напряженное движение ее бедер и понял, что был достаточно терпелив. Снова целуя ей рот, он опрокинул ее на спину и очутился над ней, опираясь на локти и не в силах оторваться от ее губ.

Он почувствовал, как она снова замерла. Адель вдруг поняла, что перестала быть хозяйкой положения, теперь все решал он. Он, удерживающий ее руки за головой, горячо, неустанно ласкающий губами ее глаза, губы, плечи, всю ее до самой талии. И она доверилась ему. Ей опять было беспокойно, но она знала, что хочет только одного: чтобы это не прекращалось.

Тяжело дыша, он вдруг поднялся и, стоя на коленях, взглянул на нее:

— Адель, ты понимаешь, что происходит?

— Да, – проговорила она, не поднимая на него глаз.

— Я не хочу соблазнять тебя и злоупотреблять тем, что ты неопытна. Скажи мне, Адель, ты...

Она прервала его, все так же не поднимая глаз:

— Я люблю тебя. И я хочу всего, чего хочешь ты.

Он больше не спрашивал. Юбка Адель под его руками заскользила вверх, до самой талии. Решительными движениями Эдуард снял с нее чулки, и через секунду Адель ощутила, как ползут вниз ее шелковые панталоны. Сердце у нее забило просто бешено. Она не могла понять – неужели вот так, так быстро все и случится? Бедра ее судорожно сжались, но его рука протиснулась между коленями и раздвинула их. Эдуард вернулся к ее лицу, она ощутила поцелуй на своих губах и, успокоенная, снова опьяненная, не могла не ответить ему так ласково и доверчиво, как только было возможно. Тем временем его ладонь неспешно и медленно поднималась все выше и коснулась золотистого треугольника волос на лобке.

Адель дернулась, закусив губу. Ощущения становились так сильны и всевластны, что она едва соображала. Он все еще целовал ее, мягко, неторопливо, смиряя, насколько возможно, собственную страсть, но она ощущала лишь его руку между своих бедер. Его палец скользил, находя самые чувствительные места, не спеша приближаться к влажной трепещущей расщелине – там было мокро, горячо и узко. Он погрузил палец глубже – она не вскрикнула, только застонала, значит, ей не было больно; незаметными движениями он попытался расширить этот узкий девственный вход. Адель вскрикнула, конвульсивно прижимаясь к его пальцу и судорожно подергиваясь. Тогда он рискнул погрузить его еще глубже и снова замер. Ладонь его была влажной.

Он стал вынимать и снова погружать свой палец – с каждым разом все смелее, резче и глубже. Закусив губу, она выгибалась дугой, сжимая бедрами его руку. Дрожь пробегала по ее телу. Он пробудил в ней страсть; не помня себя, она сама теперь насаживалась на его палец, делая ягодицами толкательные движения, и была вся влажная от желания. Целуя ее рот, он почувствовал, когда сладостное чудо, наконец, свершилось: язык ее затрепетал, по телу прошла дрожь, и яростная пульсация окружила его палец, который был там, у нее внутри.

Эдуард не мог больше ждать. Он проявил столько терпения, что сам себе не верил, его мужская плоть рвалась наружу и казалась просто каменной. Он сам убедился, какая Адель тугая, горячая и узкая, и это едва не сводило его с ума. Никогда не желал он ее сильнее, чем сейчас. Одним движением расстегнув брюки, он раздвинул Адель ноги и, удерживая ее руки за головой, погрузился в нее – о, совсем немного, может быть, на какие-то пол-дюйма.

Он и сейчас хотел быть как можно более нежным. Она лежала под ним, покорная, истомленная, благодарная за пережитое наслаждение, ошеломленная до глубины души тем, что испытала. Ее бедра чуть-чуть напряглись, когда она впервые ощутила, насколько он крупнее ее – так ей казалось, и в глазах у нее промелькнуло смятение. Но она не сопротивлялась.

— Пусть это случится, – произнесла она одними губами.

Она и жаждала и боялась этой большой горячей плоти, которая была у нее между ногами, но ей хотелось того же, что и ему – разве не такой был девиз с самого начала?

Он проник в самую глубь ее тела осторожным, но решительным толчком. От напора вхождения и болезненного разрыва у нее на миг перехватило дыхание, тем более, что удары становились все глубже, резче, откровеннее, и слезы поневоле показались на ее ресницах. Она с необыкновенной четкостью ощущала его в себе, и ей казалось, что он слишком тверд, слишком велик, слишком безжалостен для нее. Адель взглянула в лицо Эдуарду: бледное, с закрытыми глазами, оно казалось неистовым, но на нем явно было написано удовольствие. Не понимая даже, что делает, она вдруг сильно сократила мышцы у себя там, внутри, и почти сразу же ощутила, как бешено Эдуард дернулся, застонал и, обнимая ее, замер, обдавая ее жаром и подрагивая в ней.

Адель услышала, что соловей все еще поет в кустах. Где-то совсем близко игриво вскрикивала какая-то женщина. Они были так увлечены, что никаких звуков прежде не замечали. Она подождала, желая, чтобы Эдуард успокоился, потом осторожно шевельнулась. Ей все еще было больно.

Он понял, мягко выскользнул из нее и лег рядом. Некоторое время прошло в полном молчании. Адель совершенно не понимала, сколько часов прошло – эти часы нынче вообще для нее не существовали. Когда к ней полностью вернулось сознание, она, подумав, решила, что это, безусловно, был самый важный день в ее жизни. Она отдалась Эдуарду. И никакого сожаления не испытывала. Отвращения тоже не было. Она подсознательно понимала, что с каждым новым разом это будет все прекраснее, лучше, слаженнее, что наступит день, когда она полностью ответит ему и переживет то же, что и он. Потянув руку, она тайком коснулась себя там, внутри. На пальцах осталась кровь.

Эдуард тоже шевельнулся и, быстро застегнувшись, приподнялся на локте. Его не покидало воспоминание о том, какой волшебной на ощупь оказалась эта его юная любовница. Такая необычно страстная для девушки, забывающая о предрассудках, полностью отдающаяся ласкам. А то, как она сузила вход, – кто научил ее этому? Полным нежности взглядом он скользнул по ее лицу, голым ногам, заметил ее окровавленные бедра и два пятна крови на платье. Он не сомневался уже, что любит ее. Недавнее событие все решило. Она отдалась ему и ему хочется не расстаться с ней, а брать ее еще и еще – стало быть, для него это вполне серьезно.

— Адель, прелесть моя, вы знаете, что вы просто чудо?

Она подняла шелковистые ресницы, убрала с лица волосы и, быстро оправив юбку, робко ему улыбнулась.

— Вы не осуждаете меня?

— Нет. Я готов десять раз сказать вам, что люблю вас.

Он бережно, без всякой страсти обнял ее, как брат:

— Ну-ка, Адель, если сможете, расскажите мне, что вы чувствовали.

— А это необходимо? – проговорила она нерешительно.

— Если вы хотите быть счастливой женщиной, вам нужно кое-что говорить.

Она передернула плечами и ласково улыбнулась:

— Мне было хорошо, Эдуард. Очень хорошо. Немного больно, конечно, но ведь я знаю, что так бывает всегда. Я думаю... да, я уверена, что никто не обошелся бы со мной лучше, чем вы.

— Я люблю вас. И я вам обещаю, что очень скоро боль исчезнет, появится то, что я вам пока лишь должен.

— Что же это?

— Удовольствие, мой ангел. То удовольствие, от которого забываешь все на свете.

— Вы испытывали его?

— Много раз. Но больше всего – с вами.

Он снова привлек ее к себе. Адель села, поморщившись от легкой боли внизу живота, и доверчиво ответила на его поцелуй. То, что прикасаться к ней сейчас нежелательно, Эдуард понял. Надо было подождать – хотя бы до следующего воскресенья, которое должно было стать еще более волшебным, чем это.

Адель вдруг шепнула:

— Эдуард...

— Что, моя прелесть?

— Мы увидимся с вами еще?

Поразмыслив, она быстро добавила:

— Я говорю потому, что мне, вероятно, надо будет немного побыть дома. Я не хочу, чтобы мама о чем-то догадалась. Она может запретить мне видеться с вами. Мы ведь... поступаем не так, как положено.

— Но вы не жалеете?

Она отрицательно качнула головой. Нет, она не жалела. Она хотела видеться с ним еще и еще, и, хотя Адель понимала, что такие встречи, в сущности, грех, ей не удавалось поверить,

что то, что она делает с такой любовью, самоотдачей и естественностью, к чему тянется все ее существо, может быть плохо. Она доверялась Эдуарду безоглядно, всей душой, полностью отдалась в его власть. Они были знакомы всего несколько дней, а она уже не мыслила без него жизни. Он старше ее, умнее, влиятельнее, он непременно сделает так, что все устроится. А сейчас она не намерена была отказаться от того, что так ее пьянило и делало настолько счастливой.

Эдуард тоже некоторое время молчал, покусывая соломинку. Нет, его уже не одолевали сомнения насчет того, как поступить с Адель, – вино было открыто, и он был бы глупцом, если бы не пил его. По натуре страстный и темпераментный, в ранней юности познавший сладость запретного плода, он считал чувственность самым важным в его отношениях с Адель. Но он был не так беспечен и так ослеплен влечением, чтобы не думать о будущем и чтобы не видеть, что оно безусловно, поставит перед ним много трудностей. У него и раньше были невинные девушки, подобные Адель, но ни одну он так сильно не любил и ни одна не будила в нем столь нежные чувства. Он чувствовал ответственность перед ней и не знал, как быть.

Действительно, что же с ней делать? Женитьба была совершенно невозможна. Если бы он захотел бросить вызов обществу, это бы слишком дорого ему обошлось. Он опасался этого не так из-за себя, как из-за матери, полагая, что не вправе доставлять ей огорчения. Графиня де Монтрей, разумеется, придет в ужас, если узнает о подобном намерении. Но, с другой стороны, Адель будет потрясена, если поймет, что речь между ними может идти лишь о любви, а не о браке, что в глазах общества она совсем не достойна графа де Монтрея.

Эдуард криво усмехнулся, отбрасывая соломинку в сторону. Несомненно, дело было и в нем самом. В его эгоизме. Он любил Адель так нежно и сильно, что даже не мог бы сказать, когда еще чувствовал что-либо такое, но даже это чувство было недостаточным, чтобы он решил: все, с прежней жизнью покончено, Адель – та женщина, которую он ждал и ради которой готов пожертвовать своей свободой. Она казалась ему слишком наивной, чтобы понять его. Она чересчур ослеплена сейчас. Будет ли она любить его, когда повзрослеет? О том же можно спросить и его.

К тому же, при всем том, что Эдуард испытывал отвращение к современному обществу и общепринятым приличиям, в нем жило инстинктивное неприятие даже мысли о браке с такой, как Адель. Женщиной без роду и племени, дочери известной всему Парижу шлюхи. А эта красота? Получить в жены подобную кривчымйц – это все равно что жить на пороховой бочке. И потом, иногда, глядя на то, как сверкают глаза Адель, как чувственно она смеется, с какой смелостью отдается ласкам, он невольно ловил себя на низкой, может быть, но настойчивой мысли: “А уж не кровь ли матери в ней играет?”

Отбрасывая всякие помыслы о женитьбе, он спросил:

— Вы согласились бы встречаться со мной на квартире?

Адель пожалала плечами:

— О, где угодно. Мне все равно.

— Дорогая моя, а понимаете ли вы...

В его голосе прозвучало легкое предупреждение. Адель качнула головой и совсем просто произнесла:

— Да, понимаю. В пансионе мне хорошо внушили, что для всякой порядочной девушки это невозможно. Но я подумала и выбрала то, что для меня более важно: вы или моя репутация.

— И вы согласны?

— Да.

Поднимая на него изумрудные глаза, она, будто вдохновленная изнутри тем сильным чувством, которое испытывала к нему, проговорила:

— Я скажу вам правду... Мне совсем не хочется лгать. И кокетничать тоже не хочется. Понимаете, Эдуард, – она прижала руку к груди, – вы у меня теперь вот здесь. Вместо сердца.

Я вспоминаю, как было раньше, и думаю: до чего же было пусто в моей жизни! Нет, я даже не жила до того, как увидела вас.

— Вы мало видели, Адель. Поверьте, я много познал в жизни, и поэтому, когда я говорю, что люблю вас, это действительно так. — Он смахнул с колена муравья. — Но вам, ангел мой, лучше пока поберечь слова до тех пор, пока вы окончательно не испытаете себя и не поймете.

— Нет. — Она капризно закусила губу. — Я сейчас скажу... вернее докажу, что все понимаю, и тогда вы мне поверите.

Эдуард ждал. Адель какое-то время нерешительно молчала, словно собираясь с мыслями или подбирая слова, потом, честно взглянув ему в глаза, проговорила:

— Эдуард, я же знаю, что вы на мне не женитесь.

Он хотел остановить ее, пораженный таким заявлением, но она не позволила ему:

— Да-да, знаю, и нисколько этим не огорчена! Нисколько. Ну, может быть, самую малость. — Она поспешно добавила: — Я поняла это еще несколько дней назад. У меня был разговор с мамой. Я многое узнала.

У него все похолодело внутри. Потом он подумал, что, должно быть, она узнала не все, по крайней мере, не узнала о двадцати тысячах франков — иначе, он был уверен, ее тон не был бы таким спокойным.

— Я выяснила, что у меня нет отца. Я, конечно, еще не все поняла, возможно, что я и еще чем-то от вас отличаюсь, но главное мне ясно. То, что вы не можете на мне жениться. Ну и что? Это ничего во мне не изменило. Вы ведь все такой же и я такая же. Вы предложили мне прийти к вам на квартиру, Эдуард, стать вашей любовницей, метрессой, но ведь и мне хочется того же. Я согласна на все-все-все, лишь бы быть рядом с вами и лишь бы вы любили меня.

Совсем уже тихо она прошептала:

— Лишь бы так было всегда.

Эдуард был поражен тем, что слышал. Он никогда и не подумал бы, что она может такое сказать, что может так обо всем догадываться.

— Адель... да вы же просто убиваете меня своим великодушием.

— Я просто люблю вас. А если вы любите меня, значит, я получаю все, что мне нужно.

Они снова умолкли. Эдуард, считавший себя красноречивым и умеющим убеждать, не мог найти слов, чтобы ей ответить. Более того, собственное положение показалось ему крайне мерзким. В этой сцене он выглядел гораздо ниже ее. Она была по-королевски щедра в своей любви, по-королевски великодушна. А он, черт возьми, как ни хотел, не мог отыскать в своей душе достаточно сильное чувство, которое сподвигло бы его на благородный поступок. Приходилось признаться, что он любит меньше, чем она. Так оно, видно, и было. Но, кроме того, он был старше ее и не так восторжен. Его сердце успело стать холодным и, похоже, мало что могло растопить покрывающий его лед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.